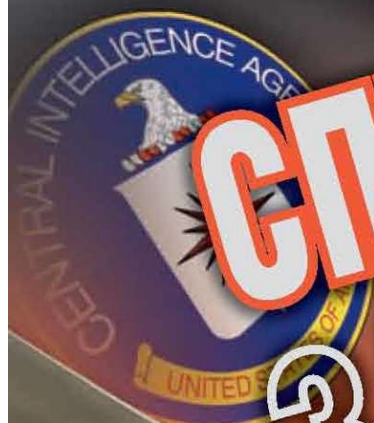

Леонид МЛЕЧИН

ВСПОМНИТЬ ВСЁ

СПЕЦОПЕРАЦИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ

ПОХИЩЕНИЯ И ЛИКВИДАЦИИ
КГБ, ЦРУ, МОССАД...

Вспомнить всё

Леонид Млечин

**Спецоперации за границей.
Похищения и ликвидации.
КГБ, ЦРУ, Моссад...**

ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ"

2019

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)6

Млечин Л. М.

Спецоперации за границей. Похищения и ликвидации. КГБ, ЦРУ, Моссад... / Л. М. Млечин — ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019 — (Вспомнить всё)

ISBN 978-5-6042364-0-6

Громкие истории последнего времени заставили заговорить о том, что специальные службы вновь приводят в исполнение смертные приговоры, вынесенные врагам государства. Боевые операции за границей представляют особую сложность. И за редким исключением их не удастся сохранить в тайне. Спецслужбы всегда обещают устроить заковыристое дельце без шума и пыли, но, как правило, возникают громкие межгосударственные скандалы. Впрочем, некоторые истории и по прошествии времени все еще остаются загадкой...

УДК 94(100)"654"
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-6042364-0-6

© Млечин Л. М., 2019
© ИД "АРГУМЕНТЫ НЕДЕЛИ", 2019

Содержание

От автора	6
Часть первая	8
Загадка судьбы генерала Кутепова	8
Седьмой пункт	16
«Шуму наделали, а мост не взорвали»	22
Коробка конфет для Евгена Коновальца	24
Под солнцем Испании	27
«Я возвращаю себе свободу!»	31
Похищение генерала Миллера	35
Ледоруб Рамона Меркадера	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Леонид Млечин
Спецоперации за границей. Похищения
и ликвидации. КГБ, ЦРУ, Моссад...

© Млечин Л.М., 2019

© АО «Издательский дом «Аргументы недели», 2019

От автора

Громкие истории последнего времени заставили заговорить о том, что специальные службы – после длительного перерыва – вновь приводят в исполнение смертные приговоры, вынесенные врагам государства.

Боевые операции за границей, или, как выражались прежде, за кордоном, представляют особую сложность. И за редким исключением их не удастся сохранить в тайне. Спецслужбы всегда обещают устроить заковыристое дельце без шума и пыли, но, как правило, возникают громкие межгосударственные скандалы. Впрочем, некоторые истории и по прошествии времени все еще остаются загадкой, и мы можем лишь догадываться и предполагать...

Как все это начиналось?

Из всех руководителей госбезопасности Вячеслав Рудольфович Менжинский кажется самой незаметной фигурой, хотя он руководил Объединенным государственным политическим управлением (так именовалось тогда ведомство госбезопасности) с 1926 по 1934 год, восемь лет, – дольше, чем его наследники Генрих Григорьевич Ягода и Николай Иванович Ежов, вместе взятые.

Наверное, все дело в том, что Менжинский резко выделялся среди своих коллег. Мягкий по характеру, приятный, обходительный, скромный, бескорыстный, интеллигентный человек – таков его образ, утвердившийся в истории.

Высокообразованный, преданный делу большевик Вячеслав Рудольфович Менжинский был тяжело болен, много времени проводил на даче, где разводил цветы и возился в химической лаборатории. Не имея, таким образом, возможности лично вникать во множество дел, он был вынужден довольствоваться информацией, поступающей к нему от его первого заместителя – Генриха Ягоды, которому вполне доверял.

Однако рассказы о том, что за него все делал Ягода, – миф. Именно Менжинский занимался ликвидацией кулачества как класса, что означало уничтожение русского крестьянства. Именно Менжинский подготовил первые московские судебные процессы над «врагами народа», которые потрясли страну и мир. Именно Менжинский отправлял боевые группы за границу для уничтожения противников советской власти – иногда самым жестоким образом.

Менжинский и разработал те методы, которыми в полной мере воспользуются его преемники. Он был гораздо умнее их и придумал то, на что сами они, лишь следовавшие предначертанным им путем, были бы не способны.

Почему в двадцатые и тридцатые годы советская разведка была самой сильной в мире? Первое поколение разведчиков состояло из людей, родившихся за границей или вынужденно проживших там много лет: они чувствовали себя за рубежом как дома. Двадцатые и тридцатые годы были временем, когда в разведку шли ради острых ощущений, убегая от серых и пустых будней. Было их совсем немного, но они добились невероятных успехов. Это был мир стран-романтиков, незаурядных, неординарных людей. Романтики, которые запросто убивали недавних коллег, находя успокоение в мыслях о том, что они служат великому делу.

Три критерия определяют качество разведывательной информации – секретность, достоверность и актуальность.

Поток поступающей в Центр разведывательной информации был огромным. Недостатком ее было нежелание резидентур сообщать то, что могло вызвать недовольство Центра. Поэтому картина происходящего в мире искажалась.

Агенты писали то, что хотели видеть курирующие их офицеры. Офицеры, добывающие информацию, в свою очередь, учитывали пожелания резидента. А тот ориентировался на настроения начальства.

Не разведывательная информация была исходным материалом для анализа политических процессов, а собственные представления вождя о мироустройстве. От разведки же требовалось подтвердить правоту его выводов.

Нелегальная работа потому так нравилась начальству, что ему хотелось, чтобы подчиненные не только собирали и анализировали информацию, но и наносили ощутимые удары по врагу. Тайные операции высоко ценились. Способность вести подрывные операции на чужой территории рождает иллюзию сохранения великой державы и компенсирует упадок экономической мощи страны.

Часть первая

Враги и перебежчики вне закона

Загадка судьбы генерала Кутепова

25 января 1930 года проживавшему в Париже русскому эмигранту принесли короткую записку с предложением о встрече. Записка была прочитана и тут же уничтожена. Получивший ее после минутного размышления согласно кивнул, и принеся записку покинул небольшую квартиру на четвертом этаже старого дома № 26 по узкой и мрачноватой улице Русселе, избежав встречи с кем-либо из домочадцев. Для этого не требовалось особого умения. Хозяин дома не посвящал в свои дела даже самых близких людей. Жене полагалось знать только то, что муж считал нужным говорить сам.

В апреле 1924 года они сняли эту меблированную квартиру и прожили здесь шесть лет. Скромная прихожая – из нее дверь в столовую, где хозяин принимал посетителей. Небольшой кабинет. Рядом спальня.

На следующий год после переселения на улицу Русселе, 27 февраля 1925 года, у обитателей квартиры родился сын Павел, украсив их новую жизнь. Неведомо им было, какая драматическая судьба уготована мальчику, носившему громкую и многими ненавидимую фамилию...

Все эти годы вместе с семьей жил денщик. Впрочем, денщиков, конечно же, хозяину дома не полагалось. Более не существовало и армии, где он когда-то дослужился до генеральских эполет. Но сам хозяин, вынужденно сняв форму, продолжал числить себя на военной службе и вел собственную войну с теми, кого считал своими злейшими врагами и погубителями родины.

Как бы то ни было, денщик Федоров предпочел остаться с генералом и выполнял обязанности уборщицы, кухарки и состоял нянькой при маленьком Павле – словом, был прислугой во всем. Только от роли швейцара он был избавлен. Дверь открывал сам генерал. Не хотел, чтобы кто-нибудь видел его частых посетителей. И, когда к нему кто-то приходил, жене запрещалось вмешиваться в беседу.

Воров и грабителей хозяин, как человек военный, не боялся. Но у него, конечно же, были опасные враги, поэтому его соратники – бывшие русские офицеры, осевшие в Париже, – пытались охранять своего командира, генерала от инфантерии Александра Павловича Кутепова, который возглавлял Русский общевоинский союз (РОВС), объединивший остатки белой армии, покинувшей родину.

Офицеры, работавшие в Париже таксистами, по очереди возили и охраняли своего генерала. Его возили, сменяясь, тридцать три водителя такси – по одному человеку на каждый день месяца, двое-трое в резерве. Но это не была постоянная, круглосуточная охрана. Офицеры сопровождали генерала в тех случаях, когда следовало ожидать неприятностей. Профессиональных телохранителей, которые бы постоянно окружали главу русской военной эмиграции, ему не полагалось.

Записка, полученная генералом 25 января 1930 года, не сулила никаких неприятностей. Намеченная на воскресенье встреча даже не нарушила установленный им распорядок дня. В одиннадцать часов утра он обещался быть на панихиде по умершему генералу от кавалерии Александру Васильевичу Каульбарсу в церкви Галлиполийского собрания на улице Мадемуазель, 81. Генерал Каульбарс, один из создателей русской авиации и одновременно исследователь Китая, ушел из жизни в преклонном возрасте.

Кутепов не мог с ним не попрощаться. К обеду он просил ждать себя к половине первого. А после обеда Александр Павлович собирался поехать с женой и сыном за город, чтобы осмотреть дачу, которую они предполагали снять.

Педантичный, скрупулезно точный, никогда не опаздывавший Кутепов вышел из дома ровно в половине одиннадцатого. Идти ему предстояло не больше двадцати минут. Выйти на улицу Севр, пересечь бульвар Инвалидов и пройти по улице Лекурб.

Короткая встреча, на которую его пригласили накануне, была назначена на трамвайной остановке на улице Севр. Кутепов появился на остановке точно в срок. Но назначивший ему встречу не явился. Больше пятнадцати минут Кутепов не мог позволить себе ждать. По улице Удино пошел в сторону бульвара Инвалидов. Погруженный в свои мысли, ничего не замечал. Ни две странно замершие в неудобном для стоянки месте легковые машины с пассажирами, ни полицейского, который прежде здесь никогда не дежурил.

А ведь Кутепов ходил по этой дороге в церковь каждое воскресенье и мог бы обратить внимание на странно напряженного полицейского, не походившего на вальяжных парижских ажанов. Впрочем, в предшествовавшие этому воскресенью дни полицейский несколько раз появлялся на перекрестке, и местные жители, приятно обрадованные заботой префектуры, уже успели к нему привыкнуть. Когда Кутепов поравнялся с одной из легковых машин, два человека остановили генерала.

Когда на Лубянке в 1989 году сотрудники советской разведки рассказывали мне, как проводилась тогда операция в Париже, то излагали такую версию: сотрудники оперативной группы представились полицейскими и попросили генерала проехать вместе с ними в префектуру.

Кутепову, верно, показалось странным, что полиция приглашает его таким странным образом, тем более в воскресенье. Русский общевойсковой союз старался поддерживать наилучшие отношения с префектурой полиции, но для французов, сознавал Кутепов, русские офицеры оставались нежелательными иностранцами. Советские дипломаты не упускали случая выговорить французам за то, что они предоставляют убежище враждебным для СССР организациям. Эмиграция – источник постоянных неприятностей. Да и среди самих эмигрантов то и дело возникали какие-то скандалы. Парижским полицейским приходилось мириться с их присутствием, но симпатии к русским они не испытывали.

Секунду Кутепов колебался. Но фигура полицейского в форме снимала все сомнения. Дверца была предусмотрительно распахнута, Кутепов уселся на заднее сиденье, и автомобиль рванул с места. Генерал не оглянулся и потому не увидел, что полицейский столь же стремительно покинул свой пост. Он уселся во вторую машину, которая устремила след за первой.

На самом деле не представляется возможным установить, как именно был похищен Кутепов. То ли его и в самом деле обманчивым образом уговорили сесть в машину, то ли захватили в кабину силой... Так или иначе, операция прошла успешно. Глава русской военной эмиграции был похищен в самом центре Парижа, и никто этому не помешал.

Много десятилетий спустя на этой самой улице я снимал документальный фильм, посвященный похищению генерала Кутепова и другим драматическим событиям, о которых пойдет речь в этой книге.

Не успела наша группа закончить съемки, как примчался полицейский микроавтобус, вызванный, надо полагать, кем-то из подозрительных соседей. Из машины вышел не один полицейский и не два, а пять человек с автоматами в руках. Все было очень серьезно. Они окружили нас и потребовали отчета, кто мы и что здесь делаем. После долгих объяснений они осмотрели снятые нами кадры, успокоились и уехали. А я подумал, что, если бы в тот январский день 1930 года местные жители проявили такую же бдительность, судьба героев этой книги сложилась бы иначе...

В церкви Александра Павловича напрасно ожидал председатель главного правления Общества галлиполийцев генерал-лейтенант Михаил Иванович Репьев. Первую мировую он

закончил командующим армейским корпусом, в Добровольческой армии – инспектор артиллерии у Кутепова. Образованное 22 ноября 1921 года Общество галлиполийцев входило в состав РОВС. Репьев крайне удивился тому, что Кутепов так и не появился.

В три часа дня семья подняла тревогу. Выяснилось, что Александра Павловича нет ни в Галлиполийском собрании, ни у знакомых. Лидия Давыдовна Кутепова была в отчаянии: что случилось с мужем? Пришли знакомые. Среди них были знаменитая певица Надежда Васильевна Плевицкая, прославившаяся исполнением русских народных песен, и ее муж – бывший командир Корниловской дивизии генерал Николай Владимирович Скоблин. Все первые дни после похищения Надежда Васильевна старалась быть рядом, чтобы поддержать Лидию Давыдовну. Просто не оставляла ее одну.

Пройдут годы, и, когда станет известно, что Плевицкая помогала советской разведке, придут к выводу, что в те январские дни 1930 года она лицемерила. Но это глубоко несправедливо. В январские дни 1930 года Плевицкая искренне сочувствовала горю Лидии Давыдовны. На советскую разведку они со Скоблиным еще не работали...

Лидия Давыдовна Кутепова обратилась в полицию. Появился полицейский инспектор. Поздно вечером начались поиски. Арсений Александрович Зайцов, в прошлом полковник лейб-гвардии Семеновского полка, а тогда помощник Кутепова, вместе с полицейским объездил парижские госпитали и морги, проверяя, не стал ли генерал жертвой несчастного случая.

Полиция также пожелала убедиться в том, что Александр Павлович не вознамерился куда-то внезапно уехать. Его фотографии разослали во все полицейские управления и пункты пограничного контроля.

Не решил ли генерал сам тайно отправиться в Советскую Россию? Полицейским объясняли: если бы Кутепов уехал, об этом обязательно знали бы его жена и ближайшие помощники. 28 января жена Кутепова подала жалобу прокурору республики: она категорически отвергала возможность бегства мужа или его самоубийства. Только после этого началось полноценное расследование.

Александр Павлович был одним из самых заметных русских в Париже. К поискам присоединилось множество добровольцев. Среди эмигрантов царил переполох. Никто не мог понять, куда исчез генерал Кутепов. Он словно испарился...

1 февраля 1930 года поэтесса Марина Ивановна Цветаева написала своей подруге из Парижа: «А у нас украли Кутепова. По мне – убили». Не зря поэтов называют провидцами. Она оказалась права...

Парижские газеты возмущались преступлением, совершенным на французской земле. Требовали тщательного расследования. Напоминали, что Кутепов – друг Франции, председатель союза бывших русских фронтовиков, в Первую мировую воевал вместе с французской армией против общего врага. Об исчезновении Кутепова доложили главе правительства Андре Тардье, находившемуся в тот момент в Лондоне. Сам участник Первой мировой, он распорядился искать русского генерала.

Во Франции было достаточно спецслужб и правоохранительных органов, которые должны были заняться расследованием. Прямая обязанность раскрыть похищение лежала на префектуре полиции. Мобилизовали четыреста агентов сыскной полиции под руководством комиссара по особым делам со смешной для русского человека фамилией Фо-Па-Биде.

В Первую мировую в составе французской миссии капитан Шарль Фо-Па-Биде был командирован в Россию, где 8 сентября 1918 года его арестовали по обвинению в шпионаже. Его допрашивал сам председатель Реввоенсовета Республики Лев Давидович Троцкий. И вот почему. Выяснилось, что в 1916 году именно комиссар Фо-Па-Биде принял решение выставить русского эмигранта Троцкого из Парижа за антивоенную агитацию.

«Биде-Фопа был душой слезки и высылки, – писал Троцкий. – От своих коллег Биде отличался необыкновенной грубостью и злобностью. Он пытался разговаривать со мною

тоном, какого никогда не позволяли себе царские жандармские офицеры. Наши беседы всегда заканчивались взрывом. Уходя от него, я чувствовал за спиной ненавидящий взгляд...

Меньше чем через два года судьбе угодно было доставить мне за счет г. Биде совершенно неожиданное удовлетворение. Летом 1918 г. мне сообщили по телефону, что Биде, громовержец Биде, заключен в одну из советских тюрем. Я не хотел верить своим ушам. Оказалось, что правительство Франции отправило его в составе военной миссии для розыскных и заговорщических дел в Советской России. А он имел неосторожность попасться».

Когда Шарля Фо-Па-Биде привели в Наркомат по военным и морским делам, Троцкий сразу и не признал его. Громовержец превратился в простого смертного, причем опустившегося. Всесильный нарком смотрел на него с недоумением.

– Да, господин, – сказал французский полицейский, склоняя голову, – это я.

– Господин Биде, вы не были со мной очень вежливы в Париже, – напомнил ему Троцкий.

– Увы, я должен это с грустью признать, господин народный комиссар. Я часто об этом думал в моей камере. Человеку иногда полезно, – прибавил Биде многозначительно, – познакомиться с тюрьмой изнутри. Но я надеюсь, что мое парижское поведение не будет иметь для меня печальных последствий.

Троцкий успокоил его.

– Вернувшись в Париж, – заверил Биде советского наркома, – я не буду заниматься тем, чем я занимался.

– Неужели, господин Биде?..

В январе 1919 года комиссара Фо-Па-Биде и других французов обменяли на русских солдат, остававшихся во Франции. Он вернулся на родину. Служил в префектуре полиции. Среди прочего занимался русскими эмигрантами. Однако же расследование оказалось ему не под силу. Кутепова украли не обычные уголовные преступники, над которыми полиция рано или поздно берет верх. Это была операция, проведенная самой мощной в ту пору спецслужбой.

На пятый день появился первый свидетель. Уборщик клиники Святого Иоанна, принадлежавшей католическим монахам, в то утро вытряхивал ковер из окна и видел сцену похищения:

«На улицу Русселе свернул с улицы Удино, идя со стороны бульвара Инвалидов, господин средних лет в черном пальто и черной мягкой шляпе. Он был среднего роста, и я ясно видел его черные усы и небольшую черную бородку. Когда господин поравнялся с серо-зеленым автомобилем, стоявшим у тротуара рядом с клиникой, два здоровенных человека в желтых пальто, стоявшие рядом с машиной, подошли к нему и повели с ним какой-то спор. Один из них схватил его за левую руку, другой за правую. Борьба была короткой. Нападавшие силой втолкнули бородатого господина в автомобиль.

Неподалеку, на самой улице Удино стояло красное такси. А рядом – полицейский в форме. Полицейский подошел к автомобилю, и, когда господина втолкнули в машину и поместились в ней оба нападавшие, он, оглянувшись по сторонам, также вскочил в автомобиль и сел рядом с шофером. В ту же секунду автомобиль двинулся с места, завернув за угол, на улицу Удино. Следом за ним умчалось и красное такси».

Еще один свидетель вроде бы обратил внимание на борьбу внутри серо-зеленого автомобиля. Поскольку там присутствовал полицейский, то подумал, что задерживают опасного преступника, и успокоился...

На мосту Альма обе машины похитителей попали в затор. Одна женщина уверяла, что видела, как в серо-зеленом автомобиле пассажир закрывает другому лицо платком. Когда полицейский выскочил из машины, чтобы расчистить дорогу, женщина поинтересовалась, что приключилось с пассажиром. Полицейский объяснил: в кабине человек, попавший в аварию, ему дают эфир, чтобы облегчить страдания.

Следователи нашли магазин, где был взят напрокат костюм полицейского, а квитанция оформлена на имя несуществующего человека. Не оставалось сомнений в том, что генерала похитили. И, возможно, убили.

Тем временем советская печать дала отповедь империалистическим клеветникам, утверждавшим, будто Кутепова похитили и убили агенты Москвы.

3 февраля 1930 года «Известия» посвятили половину первой полосы истории с генералом. Статья появилась без подписи, это означало, что она писалась и редактировалась на самом верху:

«Эта нелепая история в излюбленном, бульварном, детективном жанре, специально инсценирована с провокационной целью. «Таинственное исчезновение» Кутепова послужило сигналом для неслыханной по разнузданности кампании, направленной против СССР и советского полпредства. «Исчезновение» Кутепова изображается как дело рук «Чека», агенты которой якобы «похитили» Кутепова среди бела дня на улицах Парижа».

Иначе говоря, похищение инсценировали с одной целью – оклеветать Советскую Россию. «Известия» пригрозили французскому правительству.

«Продолжение французским правительством его тактики пассивности и потворства и косвенного поощрения хулиганской кампании науськивания на дипломатическое представительство Советского Союза, – говорилось в статье, – невольно создает впечатление, что правительство поддается на провокацию русской белогвардейщины и следует ее указке...»

Мы вынуждены со всей серьезностью поставить перед правительством вопрос: предпочитает ли французское правительство сохранению дипломатических отношений с правительством Советского Союза сотрудничество с белогвардейской эмиграцией? Совершенно очевидно, что нормальные дипломатические отношения несовместимы с такими фактами».

Одобренная идеологическим начальством на Старой площади основная версия не исключала инициативы снизу, поэтому уже мертвый генерал Кутепов изображался советской прессой в самом неприглядном свете. Собственный корреспондент «Известий» в Амстердаме со ссылкой на «достоверные сведения» сообщал: «Виновниками «исчезновения» Кутепова являются сами белогвардейцы. Есть прямые данные, указывающие на то, что Кутепов выехал незаметно в одну из республик Южной Америки, взяв с собой солидную денежную сумму».

Расследование обстоятельств загадочного исчезновения Кутепова ничем не окончилось. Французская полиция вела расследование без особого рвения. Эмиграция была уверена, что это дело рук советских чекистов. Но эмиграция была бессильна.

Генералу Евгению Карловичу Миллеру, который стал преемником Кутепова на посту председателя Русского общевойскового союза, оставалось только объяснять парижским журналистам:

– Гипотеза о бегстве Александра Павловича безусловно исключается. Недавно женившийся и имеющий горячо им любимого сына, генерал Кутепов всегда был образцовым мужем и отцом. С другой стороны, вообще не существовало каких-либо причин, которые могли бы подвигнуть Кутепова на бегство. Остается гипотеза о похищении генерала...

Четверть века спустя генерал Павел Николаевич Шатилов, бывший начальник штаба врангелевской армии, осевший в Париже, писал:

«Во время оккупации Парижа германской армией и занятия здания советского посольства в подвале посольства была обнаружена печь, напоминающая крематорий, в которой можно было, по мнению некоторых лиц, сжигать человеческие трупы. Это вызвало предположение, что Александр Павлович после усыпления хлороформом в автомобиле был доставлен на улицу Гренель, 79, и сожжен в этой печи. Но доказательств этого предположения не было никаких».

В эту версию мало кто поверил. В ходу была и другая: председателя РОВС сразу же убили или он умер сам. Профессор Иван Алексинский, у которого генерал лечился, рассказал, что «вследствие ранений в грудь во время войны Кутепов не мог выдержать действие наркотиков».

Если ему в момент похищения дали эфир или хлороформ, оба препарата могли оказаться для него смертельными.

Так как же закончил свой земной путь председатель РОВС?

В 1989 году я писал о Скоблине и Плевицкой. Представители КГБ СССР – с санкции председателя комитета Владимира Александровича Крючкова – дали мне возможность прочитать их личные дела.

Я спросил тогда и о судьбе генерала Кутепова.

Сотрудники КГБ передали мне справку, которую я могу процитировать полностью:

«Не вызывая никаких подозрений, обе машины после дополнительной проверки на предмет выявления возможного «хвоста» через некоторое время выехали на шоссе, ведущее в Марсель.

В Марселе Кутепов был передан группе чекистов из числа советских моряков, которые обеспечили его «посадку» на советский пароход под видом хорошо загулявшего на берегу старшего механика машинного отделения. Когда на пароходе Кутепов пришел в себя и до него дошло, где он находится, он впал в состояние глубокой депрессии, отказывался от еды, не отвечал на задаваемые вопросы.

Только после выхода парохода из греческого порта Пирей и особенно по мере приближения к проливу Дарданеллы и Галлиполийскому полуострову в Турции, где в начале 20-х годов был размещен в лагерях 1-й армейский корпус под его командованием, он стал проявлять признаки беспокойства. Кутепов понял, что от расплаты за преступления против народа, за жестокость, потоки пролитой им крови, виселицы, акты вандализма ему не уйти. Состояние его здоровья резко ухудшилось.

Скончался генерал Кутепов примерно в ста милях от Новороссийска от сердечного приступа, избежав таким образом ответственности за совершенные им преступления».

Документов, относящихся к смерти Кутепова, я не видел. Теоретически в архиве должно храниться дело о похищении председателя РОВС. Содержит ли оно ответ на вопрос о том, как именно генерал ушел из жизни, – это другой вопрос.

Отчеты о «специальных мероприятиях» руководители внешней разведки писали от руки. В одном экземпляре – для самого высшего начальника. Копии в секретариате ведомства госбезопасности не оставлялись. Даже собственным коллегам знать, что и как сделано, не полагалось. Но в любом случае ни один документ, имеющий отношение к этой истории, не рассекречен. Так что неизвестно, узнаем ли мы когда-нибудь о последних днях генерала.

К делам, которые я читал на Лубянке, были приложены справки, относящиеся к сыну генерала Павлу Александровичу Кутепову. Он остался без отца, когда ему было всего пять лет. И всегда верил, что отец жив и живет где-то в СССР! Мечтал его найти. Из Франции они с матерью переехали в Югославию. Жили на деньги, собранные эмиграцией. Павел Кутепов учился в русском кадетском корпусе. В 1944 году, когда пришла Красная армия, отдал себя в распоряжение советских властей. Молодого человека посадили на десять лет. Когда он освободился, наступили новые времена. Ему позволили работать переводчиком в издательском отделе Московской патриархии.

Лидия Давыдовна Кутепова ничего не знала не только о судьбе мужа, но и сына. Оставшись одна, без горячо любимого мужа и единственного сына, она вернулась в Париж, где умерла в 1954 году.

Ныне считается, что похищение Кутепова провела Особая оперативная группа ведомства госбезопасности Якова Серебрянского.

Председатель ОГПУ Менжинский, имевший пристрастие к боевым операциям за границей, создал Особую группу как самостоятельное и независимое от Иностранного отдела (внешней разведки) подразделение. Подчинил ее самому себе. Возглавил группу Серебрянский, человек авантюрного склада.

Яков Исаакович Серебрянский родился 9 декабря 1892 года в Минске. Юношей присоединился к эсерам-максималистам. В 1909 году его арестовали за участие в убийстве начальника минской тюрьмы. Серебрянскому было шестнадцать лет. Отделался высылкой, в 1912 году был призван в царскую армию. В Первую мировую служил в 105-м Оренбургском полку, сражавшемся в Восточной Пруссии.

Революцию он встретил в Баку. Женился на сестре товарища по партии. После падения Бакинской коммуны уехал в соседнюю Персию – вместе с женой и ее родителями. Семья искала спасения от хаоса Гражданской войны. Там он познакомился с молодым чекистом Яковом Григорьевичем Блюмкиным, который через несколько лет рекомендует его на работу в ведомство госбезопасности.

Серебрянского взяли особоуполномоченным закордонной части Иностранного отдела и командировали на нелегальную работу в Палестину. Яков Серебрянский пробыл в Палестине два года. Революция в Палестине, которая казалась сонным и неразвитым местечком, была отложена до лучших времен, вернее, до появления там достаточного количества «революционного материала».

Начальство осталось им довольно. В 1925 году его перевели в Бельгию. В начале 1927 года вернули в Москву. В апреле 1929 года он возглавил 1-е отделение (нелегальная разведка) Иностранного отдела. И одновременно – Особую группу. Главная задача – ликвидация врагов за границей.

Менжинский доложил политбюро, что операция увенчалась успехом, похищение и уничтожение генерала Кутепова серьезно ослабило военную эмиграцию. Менжинский просил политбюро отметить участников операции в Париже орденами и именным оружием. Серебрянского в марте 1930 года наградили орденом Красного Знамени.

13 июня 1934 года – после создания Наркомата внутренних дел – его группу подчинили непосредственно наркому. Теперь она называлась Специальной группой особого назначения. 29 ноября 1935 года Серебрянскому присвоили высокое звание старшего майора госбезопасности. 31 декабря 1936 года он получил редкий тогда орден Ленина – «за особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией».

Группа Серебрянского состояла в общей сложности из двадцати оперативников и шестидесяти нелегалов. Вместе с Серебрянским в операции «Заморские» – так в служебной переписке именовалось похищение Кутепова в Париже – участвовал Сергей Васильевич Пузицкий из контрразведывательного отдела, тоже заметная фигура на Лубянке.

Пузицкий учился на юридическом факультете Московского университета и после революции начинал следователем Ревтрибунала. С 1921 года – в госбезопасности. Помог заманить в ловушку эмигрировавшего из России злейшего врага советской власти Бориса Викторовича Савинкова. Удостоился ордена Красного Знамени. Из кабинета Пузицкого на пятом этаже здания на Лубянке Савинков выпрыгнул, когда решил, что на свободу ему никогда не выйти. Или был выброшен, когда решили от него избавиться. В 1935 году Пузицкому присвоили генеральское звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, а через два года арестовали и расстреляли.

Помогали Серебрянскому и Пузицкому в Париже сотрудники Особой группы Руперт Людвигович Эске (он же Иван Иванович Рачковский) и Андрей Николаевич Турыжников. Оба эмигранты, оба согласились работать на советскую власть. Обоих в годы большого террора расстреляют.

Техническую сторону операции – автомобили, оружие, полицейскую форму, хлороформ – обеспечили сотрудники парижской резидентуры внешней разведки. Они же организовали слежку за генералом Кутеповым, чтобы выяснить его привычки, а также тщательно изучили распорядок дня обитателей дома 26 по улице Русселе.

В каждой стране, где открывалось дипломатическое или торговое представительство Советской России, создавалась и резидентура разведки. Причем разведчики занимали офици-

альные должности в представительстве, но только главу миссии ставили в известность, кто из его подчиненных на самом деле резидент, то есть главный разведчик.

Резидент – важнейший пост в разведке. Это самостоятельная должность. Конечно, он держит связь с центром, получает указания, отчитывается за каждый шаг. Тем не менее многие решения резидент принимает на собственный страх и риск. Есть проблемы, которые ни с кем не обсудишь. Как правильно строить отношения с полпредом? Как поступить с оперативным работником, совершившим ошибку? Или с сотрудником, который потихоньку прикарманивал деньги, выделявшиеся на агента?

Резидентом в Париже был Захар Ильич Волович. Он служил в разведке с 1924 года. После похищения Кутепова его вернули в Москву начальником 1-го отделения Иностранного отдела. Захар Волович сделал карьеру, стал заместителем начальника оперативного отдела Главного управления государственной безопасности НКВД, получил высокое специальное звание – старший майор госбезопасности. При очередной чистке ведомства на Лубянке был арестован и в 1939 году расстрелян.

Седьмой пункт

Скоро у Особой группы появилась задача – ликвидация невозвращенцев. Когда советские люди бежали из страны или оставались за границей, это воспринималось в Москве крайне болезненно, потому что подрывало веру в то, что нигде человеку не живется так счастливо, как в Советском Союзе.

Осенью 1929 года советник полпредства в Париже Григорий Беседовский попросил политического убежища у французов. Скандал!

Григорий Зиновьевич Беседовский – анархо-коммунист до революции, левый эсер в 1917-м, член украинской партии левых социалистов-революционеров (боротьбистов) в 1919-м, большевик с августа 1920 года. Выпускник сельскохозяйственного института в Харькове, он руководил губернским советом народного хозяйства в Полтаве.

В январе 1922 года его отправили на дипломатическую работу – консулом Советской Украины в Вену, в ноябре перевели в Варшаву. Хотели командировать в США, но американцы не дали визы. Послали советником в Токио, где он исполнял обязанности полпреда и торгпреда. В Наркомате иностранных дел отмечали: «Очень способный и хороший работник с большим кругозором, инициативой и знаниями». И в кадровом аппарате ЦК его очень ценили. Осенью 1927 года командировали в Париж первым советником.

Но он не поладил с полпредом Валерианом Савельевичем Довгалеvским и вторым советником полпредства Жаном Львовичем Аренсом. Коллеги писали на него доносы в Москву. Осенью 1929 года после отъезда полпреда Беседовский остался за хозяина. Именно в этот момент доносы возымели действие. 28 сентября 1929 года политбюро постановило: «Отозвать т. Беседовского согласно его просьбе из Франции и предложить ему в день получения шифровки выехать в Москву со всеми вещами и все дела немедленно сдать т. Аренсу».

Но Беседовский отказался передавать дела до возвращения полпреда Довгалеvского. Неподчинение приказу считалось невиданным и недопустимым делом. На следующий день ему отправили грозную шифротелеграмму:

«На предложение ЦК сдать дела и немедленно выехать в Москву от Вас до сих пор нет ответа. Сегодня получено сообщение, будто бы Вы угрожали скандалом полпредству, чему мы не можем поверить. Ваши недоразумения с работниками полпредства разберем в Москве. Довгалеvского ждать не следует. Сдайте дела Аренсу и немедленно выезжайте в Москву».

В Париж отправили разбираться старого большевика Бориса Анисимовича Ройзенмана, члена президиума Центральной контрольной комиссии и члена коллегии Наркомата рабочекрестьянского контроля. Он занимался загранкадрами. Его напутствовали:

«Дело в парижском полпредстве грозит большим скандалом. Необходимо добиться во что бы то ни стало немедленного выезда Беседовского в Москву для окончательного разрешения возникшего конфликта. Не следует запугивать Беседовского и [надлежит] проявить максимальный такт».

Ройзенман устроил Беседовскому разнос, обвинил в уклонении от партийной линии и потребовал, чтобы тот немедленно выехал в Москву. После в высшей степени неприятной беседы Григорий Зиновьевич обнаружил, что он уже взят под стражу. Фактический глава полпредства хотел выйти на улицу, но его не выпустили!

– Товарищ Беседовский, есть приказ не выпускать вас из посольства, – сообщил ему охранник. – Будьте добры возвратиться в свою комнату.

Тот взорвался:

– Как вы смеете говорить со мной таким тоном? Забыли, что я поверенный в делах!

Он сделал шаг к двери. Охранник выхватил из кармана револьвер:

– У меня есть приказ товарища Ройзенмана не выпускать вас из посольства. Я отвечаю головой. Предупреждаю, что, если вы сделаете еще одно движение, я вас застрелю.

Григорий Беседовский не стал рисковать. Он вышел в сад, перебросил пальто через стену полпредства, не очень высокую, подтянулся и перелез. Отправился прямо в полицию и попросил политического убежища. И помощи, чтобы забрать жену и сына. В восемь вечера вернулся с французскими полицейскими на улицу Гренель и забрал жену и десятилетнего сына Артура. Советским дипломатам ничего не осталось, кроме как их отпустить.

8 октября 1929 года московские «Известия» опубликовали заявление ТАСС с запоздалыми обвинениями в уголовщине:

«Бывший советник полпредства Беседовский, который в прошлом вел образ жизни далеко не по средствам, растратил значительную сумму денег, доверенную ему, и оказался не в состоянии отчитаться за нее.

Беседовский сделал попытку представить инцидент как политический, коим он в действительности не является, поскольку носит чисто уголовный характер. Надеюсь, что это отвлечет внимание от его действий, он стал распространять ложную версию, будто бы он и его семья подверглись в здании полпредства домашнему аресту и их жизнь находится в опасности. Полпредство заранее отвергает любые домыслы».

Газета «Известия» назвала Беседовского «пошлым развратником и вором», получившим во Франции трибуну для антисоветских измышлений. 8 января 1930 года на родине его заочно приговорили к десяти годам тюрьмы.

В эмиграции он стал заметной фигурой, со знанием дела рассказывая о том, что происходит в Советском Союзе. Поэтому Москва велела парижской резидентуре поручить одному из агентов следить за Григорием Беседовским:

«Иванову» не трудно будет не только ориентировать о работе группы Беседовского, но и быть полезным в смысле персональных подходов к кому-либо из лиц парижской эмиграции, прямо соприкасающихся с Беседовским и его группой. «Иванов» мог бы ориентировать вас о техническом персонале, работающем при Беседовском, «Иванова» следует использовать в качестве наводчика к работникам и связям Беседовского».

Но добраться до него не удалось.

5 февраля 1930 года политбюро приняло первое развернутое постановление о работе внешней разведки – Иностранного отдела ОГПУ. В особо секретном документе под названием «Задачи, стоящие перед ИНО ОГПУ» седьмым пунктом значилось: «Организация уничтожения предателей, перебежчиков и главарей белогвардейских террористических организаций».

Тут в Швеции разгорелся громкий скандал – политического убежища попросил советник полпредства Сергей Васильевич Дмитриевский, тоже заслуженный и доверенный работник.

С 1923 года он работал в Наркоминделе, сначала в торговом представительстве в Германии, потом его перевели первым секретарем полномочного представительства в Грецию. Отозвав в Москву, утвердили управляющим делами Наркомата иностранных дел. В 1927 году Сергей Дмитриевский прибыл в Стокгольм и стал вторым человеком в полпредстве.

Полпред в соседней Норвегии Александра Михайловна Коллонтай записала в дневнике:

«Обстановка в советских полпредствах всего мира и в нашей колонии в Осло тяжелая, полная возмущения, гнева и ненависти к предателям-невозвращенцам. Тяжело ударило по нашим советским учреждениям предательство Беседовского в Париже, но еще возмутительнее измена Дмитриевского в Стокгольме.

Советник нашего полпредства на виду у всех, о нем имелись лестные отзывы, у него «большие связи» среди шведской общественности, и этот негодяй не просто ушел, а умышленно шумно, со скандалом, с использованием шведской прессы. Может ли быть что-нибудь более позорное и преступное? Я вся дрожу, когда читаю газеты...»

Дрожала не она одна, поэтому в советской колонии в Норвегии тоже начинается охота за ведьмами. Все заграничники спешили продемонстрировать свою верность партии.

Коллонтай вспоминала:

«Рьянее всех взялся за разоблачения торгпред. Всех подозревает у себя же в торгпредстве, но и допекает меня доносами-подозрениями на моих же сотрудников:

– Вы ему верите? Вы это отрицаете? Вот увидите, что я прав, вы же заплатите за свое доверие.

Только что ушел торгпред, когда за ним является его заместитель вместе с экспортником, и оба полны догадок-подозрений насчет самого торгпреда:

– Это следующий кандидат в невозвращенцы.

В своем рвении и, кстати, сведениях личных счетов с торгпредом его зам и экспортник дошли до того, что ночью взломали стол торгпреда и сделали обыск его кабинета (без приказа). Ничего не нашли и теперь дрожат».

Вслед за советником полпредства Дмитриевским политического убежища попросил и военный атташе в Швеции Александр Александрович Соболев. Бывший царский офицер, он добровольно вступил в Красную армию, дослужился до должности начальника штаба Морских сил Каспийского моря. После Гражданской войны был назначен военно-морским атташе в Турцию, затем в Швецию... Когда Соболева отозвали в Москву, он предпочел не возвращаться.

Коллонтай:

«Срочная телеграмма из Москвы: политбюро назначило меня временным поверенным в делах в Швеции с оставлением меня на посту в Норвегии, выезжать немедленно...

Полпред в Швеции Виктор Леонтьевич Копп безнадежно болен и находится в больнице. Советника нет (Дмитриевский), остался только секретарь полпредства, но с ним МИД не считается как с не имеющим официальных полномочий».

Виктор Копп когда-то играл важную роль в налаживании отношений с Германией, он установил широчайшие связи с ведущими германскими политиками, военными и даже разведчиками. Но поссорился с влиятельными фигурами в Москве, в Наркомате внешней торговли, и после долгой склоки покинул Берлин. Потом два года проработал послом в Японии, а в 1927-м получил назначение в Стокгольм. Он заболел раком. Из Швеции его увезли на носилках. Ему было всего пятьдесят лет, когда он ушел из жизни.

Александра Михайловна перебралась в Швецию. Состояние местной советской колонии Коллонтай решительно не понравилось:

«Картина безотрадная: работники потеряли голову. Фактически полпредство бездействует... О землячестве (парторганизация) писать не хочу. Нехорошее, нездоровое впечатление. Это уже не склока личного свойства, какая бывала и в Осло, нет, это нечто худшее: растерянность и страх. Страх, как бы в Москве не заплатить, что недоглядели невозвращенцев. Истерические настроения, женщины плачут и клянутся в верности советской власти».

Чекисты были расстроены: измена за изменой. В Стокгольм командировали оперативного работника с заданием ликвидировать если не ущерб, то по крайней мере самого перебежчика. Александра Михайловна была в ужасе, представляя себе, чем такая попытка может увенчаться.

25 апреля Коллонтай записала в дневнике:

«У нас совещание по делу Соболева с секретарем полпредства, тов. Ш., присланным из Гельсингфорса «со специальной миссией», и с секретарем Соболева, тов. Д.

Тов. Ш. живо заявляет:

– Я сумею извлечь Соболева из засады, доставлю в Союз живым или трупом.

Такая постановка вопроса мне совсем не нравится. Она противоречит директиве моего шефа, несерьезно это и чревато новыми осложнениями. Удалось установить, что Соболев вернулся на свою квартиру вместе с женой, но никого к себе не пускает.

– А я проникну к нему, – задорно заявляет тов. Д. – Если этот мерзавец нас не впустит, мы с вами, тов. Ш., подстережем его на улице, и, если уговоры не подействуют, у нас есть доводы и посерьезнее. Акт самообороны, так сказать. Нечего время терять, идем.

Я решительно воспрещаю обсуждать такие дикие выходки. Это значит лить воду на мельницу наших врагов.

– А если Соболев выдаст военные тайны? – говорит Ш. Но я его пристыдила. Он же знает, что военному атташе недоступны серьезные военные тайны».

Возникал очевидный вопрос: почему бегут советские дипломаты? В разных странах, бывало, дипломаты не соглашались с политикой собственного правительства, но они просто уходили в отставку. Советские же люди бежали с родины.

В ночь с 1 на 2 мая Коллонтай записала в дневнике:

«Меня заботят случаи бесшумного невозвращенчества более мелких, менее ответственных работников наших советских учреждений. А такие измены имели место и в Берлине, и в Лондоне, и в Париже.

Почему безупречный Соболев (так его аттестует начальство) стал невозвращенцем? Почему Ш. в Берлине отказался ехать на родину? Почему жена Г. (служащего в «Нафта») говорила мне дрожащим голосом, что «она боится, не отзовут ли ее мужа». «Бояться» вместо того, чтобы радоваться возможности возвращения на родину. Это ненормально. Тут надо поискать причину, чтобы ее пресечь, чтобы центр принял меры...

Первой и главной причиной невозвращенчества я считаю существование оппозиции».

Но бежали вовсе не оппозиционеры, а прошедшие проверку надежные большевики! Только за один год, с осени 1928 по осень 1929 года, семьдесят два сотрудника загранаппарата отказались вернуться в Советский Союз.

В 1929 году неприятная для власти ситуация обсуждалась на заседании политбюро. «О беспорядках, выявленных в советских загранпредставительствах» доложил Борис Анисимович Ройзенман, которому президиум Центральной контрольной комиссии и коллегия Наркомата рабоче-крестьянского контроля поручили проверить работу загранучреждений. У него был собственный неудачный опыт – с Беседовским.

Отбор стал еще более жестким – за границу не пускали тех, у кого обнаруживались родственники за границей, «непролетарское происхождение» или отклонения от партийной линии. Еще в конце 1923 года секретная экзаменационно-проверочная комиссия ЦК провела массовую чистку Наркомата иностранных дел, убирая всех «неблагонадежных». Комиссия рекомендовала ЦК ввести в штат загранучреждений сотрудников госбезопасности для «внутреннего наблюдения» за дипломатами и их семьями. Такая практика существует и по сей день.

Нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин тяжело переносил кампании, которые периодически проводились партийным аппаратом: сокращения и чистки, которые лишали его ценных работников:

«Я писал т. Сталину, что прошу на моей могиле написать: «Здесь лежит Чичерин, жертва сокращений и чисток». Чистка означает удаление хороших работников и замену их никуда не годными».

Сотрудники полпредств старались публично хаять страну пребывания и вообще загранничную жизнь. Знали, что среди слушателей обязательно окажется секретный сотрудник госбезопасности, который бдительно следит за моральным состоянием аппарата полпредства. Если советскому дипломату нравилась буржуазная действительность и он не умел это скрыть, его быстренько возвращали на родину. А очень многим хотелось поработать за рубежом – дома было голодно, скудно и опасно.

Когда-то молодая революционерка Коллонтай, направлявшаяся на пароходе в Америку, чтобы агитировать американцев за социализм, гневно писала:

«Ненавижу этих сытых, праздных, самовлюбленных пассажиров первого класса! Таких чужих по духу! Ненавижу эту бестолковую, праздную жизнь, убивание времени на еду, пустую болтовню, какие-то маскарады, концерты».

Прошли годы, и Александра Михайловна – после скудной советской жизни – откровенно наслаждалась комфортом на шведском пароходе «Биргер Ярл»:

«Завтрак был чудесный. Длинный, во всю столовую каюту стол, уставленный закусками. Целые пирамиды аппетитного финского масла с соленой слезой, рядом пирамиды разных сортов шведского хлеба, селедки во всяких приправах, блюда горячего отварного картофеля, покрытого салфеткой, чтобы не остыл, копченая оленина, соленая ярко-красная лососина, окорок копченый и окорок отварной с горошком, тонкие ломтики холодного ростбифа, а рядом сковорода с горячими круглыми биточками, креветки, таких крупных нет и в Нормандии, блюда с холодными рябчиками, паштеты из дичи, целая шеренга сыров на всякие вкусы, к ним галеты и на стеклянной подставке шарики замороженного сливочного масла.

И за все эти яства единая цена за завтрак, ешь, сколько хочешь. Если блюда на столе опустеют, их пополняют. Таков обычай в Швеции. Я набрала себе тарелку по вкусу и, сев за отдельный столик, заказала полбутылки легкого финского пива».

Норвежский пограничник, увидев ее, спросил:

– Вы мадам Коллонтай? Добро пожаловать к нам.

Малоприятные новости из Советского Союза, конечно, доходят и до полпредства, но дурные вести Коллонтай гонит от себя, списывает на уныние и малодушие своих старых подруг:

«Дома трудная полоса, недород сказывается – еще не овладели новыми формами хозяйства. Партия работает, шлет по деревням хороших работников, но есть перегибы. В Ленинграде и Москве (даже в столицах!) голодно. Мои приятельницы из Ленинграда, друзья моей юности, до сих пор не вжились в новые условия. Письма от них, от сестры моей Адели полны жалоб и просьб выслать шведские кроны на Торгсин».

Торгсин – это Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами, где принимали как валюту, так и золотые кольца, коронки, крестики, браслеты. Советская финансовая система разрушилась. Продовольствие выдавали по карточкам. Магазины опустели. Продукты остались только в закрытых распределителях или в магазинах Торгсина, как и описано в знаменитом романе Михаила Афанасьевича Булгакова «Мастер и Маргарита». Отныне особо заманчивой стала работа не там, где интересно, и даже не там, где хорошо платят, а там, где есть хороший распределитель – для других закрытый.

Приехавший из Москвы гость рассказал о том, как в процессе коллективизации выселяли в Сибирь кулаков: «Подлое вышло дело, просто смертоубийство. Везли в товарных вагонах, навалили в них народ, как баранов, – детей, стариков, больных и калек. Мороз такой, что младенцы у груди матери замерзали. Сколько за дорогу трупиков ребят из вагонов прямо в снежные сугробы выкидывали». Коллонтай записала в дневнике: «Гость уехал, а я после его рассказов не сплю по ночам, все мне мерещатся матери с замерзающими младенцами и другие ужасы».

Понимала, конечно, как ее жизнь отличается от жизни ее друзей, оставшихся дома. «У меня обедал Прютц (норвежский дипломат. – *Авт.*), – писала Александра Михайловна. – Приехал он не один, а с очень молоденькой женой. Приехал он неожиданно к самому обеду. Обед был тонкий и легкий: крем д'орже, рябчики, хороший французский сыр, вино «шабли-мутон». Икры не было в доме. Но обед оказался во вкусе Прютца».

7 мая 1930 года Коллонтай пометила в дневнике:

«Были и такие шведы, которые, услышав мое имя, тревожно спрашивали:

– А что вы сделали с Дмитриевским и Соболевым? Живы ли они еще?

Это в связи с постановлением советского правительства о двадцати четырех часах срока для возвращения в Союз, иначе невозвращенцы объявляются «вне закона»...

Самое главное, что я тут сделала для нашего престижа, – это удержала необузданные планы «горячих голов». Они выдумывали новые планы, как бы выкрасть Соболева, и уже начали действовать за моей спиной. Шаг – и мы в руках провокаторов. Но после приказа Литвинова подчиняться целиком полпреду Ш. быстро уехал».

Ликвидация невозвращенцев началась несколько позже, и эти операции не были достаточно успешны.

А в Стокгольм прислали комиссию из Москвы. К Коллонтай, поскольку она была новенькой, у проверяльщиков претензий не было. Она перенесла присутствие гостей хладнокровно.

18 июня записала в дневнике:

«Комиссия по чистке полпредских и других советских аппаратов за границей уехала. Здесь прошло очень просто и быстро. Две недели заседали, но зато результаты справедливые и нужные. Я осталась удовлетворена, отстояла тех, на кого клеветали зря, и добилась снятия действительно морально вредной публики. Многие уже уехали...»

Сама перед собой поставила задачу:

«Учтя опыты пережитого нами в связи с невозвращенцами, полпред, естественно, должен с особой бдительностью следить за личным составом служащих и за их семьями. Надо поднять политико-просветительскую работу, надо изучить людей».

И не знаешь – всерьез она это написала или на тот случай, если дневник окажется в чужих руках? Александра Михайловна Коллонтай никогда не упускала из виду такой возможности. Предосторожности оказались нелишними – так в конце концов и произойдет много позже...

«Шуму наделали, а мост не взорвали»

7 июля 1932 года советник японского посольства в Москве передал в Наркомат иностранных дел СССР ноту, в которой говорилось, что арестованный японскими властями кореец Ли признался: он и еще трое корейцев были завербованы Владивостокским ГПУ, их снабдили взрывчаткой и отправили в Японию с заданием взорвать ряд мостов.

В Москве устроили проверку. Запросили Владивосток. Находившийся там руководитель полномочного представительства по Дальневосточному краю Объединенного государственного политического управления известный чекист Терентий Дмитриевич Дерибас самокритично признал, что организованная им операция не удалась: «шуму наделали, а мост не взорвали». Агентов-взрывников поймали, и они во всем признались.

Отношения Советского Союза и Японии были плохими еще со времен Гражданской войны, когда солдаты императорской армии высадились во Владивостоке и оккупировали немалую часть российской территории. В 1922 году японцы ушли, но оставили за собой Южный Сахалин.

Императорская армия оккупировала соседние Корею и Маньчжурию, и это было предвестием будущего военного столкновения СССР и Японии. Корейцы, которые не желали жить под властью Японии, уходили в партизаны. С пойманными партизанами японцы расправлялись необыкновенно жестоко: им отрубали головы, которые потом выставлялись напоказ. Спасаясь от японской жандармерии, корейские партизаны переходили границу и искали убежища в Советском Союзе. Советские спецслужбы принимали партизан на тот случай, если придется воевать с Японией, использовали их для разведывательно-диверсионной работы. Точно так же перейдет потом советскую границу молодой Ким Ир Сен, будущий великий вождь Северной Кореи.

Сталин, возмущенный скандальным провалом, сделал вид, будто чекисты проявили nepозволительную самостоятельность, и распорядился найти виновных. Он писал из Сочи секретарю ЦК Лазарю Моисеевичу Кагановичу, оставшемуся в Москве за главного:

«Нельзя оставлять без внимания преступный факт нарушения директивы ЦК о недопустимости подрывной работы ОГПУ и Разведупра в Маньчжурии.

Арест каких-то корейцев-подрывников и касательство к этому делу наших органов создает (может создать) новую опасность провокации конфликта с Японией. Кому все это нужно, если не врагам советской власти?

Обязательно запросите руководителей Дальвоста, выясните дело и накажите примерно нарушителей интересов СССР. Нельзя дальше терпеть это безобразие!

Поговорите с Молотовым и примите драконовские меры против преступников из ОГПУ и Разведупра (вполне возможно, что эти господа являются агентами наших врагов в нашей среде). Покажите, что есть еще в Москве власть, умеющая примерно карать преступников».

Разумеется, на официальном уровне отрицалась любая причастность советских органов госбезопасности к террористическим акциям. 26 июля 1932 года заместитель наркома иностранных дел Лев Михайлович Карахан пригласил к себе японского посла в Москве и сделал ему заявление от имени советского правительства:

«Все сообщение корейца Ли с начала до конца является злостным и провокационным вымыслом...

Ни Владивостокское ГПУ, ни какое-либо другое советское учреждение во Владивостоке не могло давать и не давало тех поручений, о которых показывает Ли-Хак-Ун, ни каких-либо других аналогичного характера ни корейцу Ли, ни каким-либо другим лицам...

Советское правительство надеется, что японские власти отнесутся должным образом как к автору провокационного заявления, так и примут все необходимые и энергичные меры к

выяснению вдохновителей и организаторов этого преступного дела, имеющего несомненной целью ухудшение отношений между СССР и Японией».

Тем временем в Москве после короткого расследования обнаружили виновных.

16 июля политбюро приняло решение:

«а) Обратить внимание ОГПУ на то, что дело было организовано очень плохо; подобранные люди не были должным образом проверены.

б) Указать т. Дерибасу, что он лично не уделил должного внимания этому важнейшему делу, в особенности подбору и проверке людей.

в) Объявить строгий выговор т. Загвоздину как непосредственно отвечающему за плохую организацию дела.

Предрешить отзыв т. Загвоздина из Владивостока.

г) Поручить ОГПУ укрепить кадрами военно-оперативный сектор».

Для Терентия Дмитриевича Дерибаса в ту пору все закончилось благополучно. В конце года он получил второй орден Красного Знамени. Комиссар госбезопасности 1-го ранга Дерибас так и работал на Дальнем Востоке до ареста в августе 1937 года. Расстреляли его через год, в июле 1938-го.

Николай Андреевич Загвоздин, который так подвел Дерибаса, служил в госбезопасности с 1920 года. В апреле 1931 года его перевели из Нижегородской губернии на Дальний Восток начальником Владивостокского оперативного сектора.

После провала организованной им диверсионной операции Загвоздина перебросили в Среднюю Азию начальником Особого отдела полномочного представительства ОГПУ и Среднеазиатского военного округа. Он несколько лет руководил военной контрразведкой округа. В декабре 1934 года стал по совместительству заместителем наркома внутренних дел Узбекистана, а через две недели наркомом.

Николая Загвоздина избрали депутатом Верховного Совета СССР, присвоили ему спецзвание майора госбезопасности. Из Узбекистана в сентябре 1937 года перевели наркомом в Таджикистан. Загвоздин счастливо проскочил период массового уничтожения чекистских кадров и все-таки был арестован в феврале 1939 года, когда назначенный наркомом внутренних дел Лаврентий Павлович Берия убирал остатки старых кадров. 19 января 1940 года Загвоздина приговорили к высшей мере наказания и в тот же день расстреляли...

Тайные операции на территории Китая со временем приобретут большой масштаб. Первоочередная задача состояла в том, чтобы помешать японцам полностью захватить страну. Но были и другие направления. Например, в течение многих лет помогали уйгурам, живущим в Синьцзяне, обрести независимость в надежде, что они вообще отделятся от Китая и, может быть, присоединятся к Советскому Союзу

Коробка конфет для Евгена Коновальца

Когда нарком внутренних дел СССР генеральный комиссар госбезопасности Николай Иванович Ежов распорядился уничтожить признанного главу украинских националистов полковника Евгена Коновальца, никто не мог предположить, к каким последствиям приведет это решение.

Полковник – заметная в истории Украины фигура.

Евген Михайлович Коновалец, сын директора сельской школы, в 1909 году поступил на юридический факультет Львовского университета. Тогда Львов был частью Австро-Венгрии. Коновалец активно работал в Украинском студенческом совете, отстаивая самостоятельность Львовского университета и право преподавания на украинском языке.

28 июля 1914 года Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Началась мобилизация. Коновалец записался добровольцем. Весной 1915 года Коновалец вместе с маршевым батальоном прибыл на фронт. В одном из первых боев в Карпатах попал в русский плен. Сидел в лагере для военнопленных в Царицыне, пока не грянула революция. Его выпустили, и он отправился в Киев.

В нем проснулся политический темперамент. В бурлящей киевской жизни он почувствовал себя на месте. В январе восемнадцатого сформировал из западных украинцев Галицко-Буковинский курень сечевых стрельцов. Звание полковника Коновалец присвоил себе сам.

После Гражданской войны жил в Чехословакии. И в июле 1920 года в Праге создал из эмигрантов Украинскую военную организацию («Українська військова організація»). Он готовил теракт против главы Польши Юзефа Пилсудского в сентябре 1921 года, но стрелявший промахнулся.

В 1927 году в Берлине объединились Группа украинской национальной молодежи («Групи української національної молоді»), Легион украинской националистической молодежи («Легії української націоналістичної молоді») и Союз украинской националистической молодежи («Союз української націоналістичної молоді»). К ним присоединились и люди Коновальца. Так родилась ОУН, Организация украинских националистов¹.

Полковника Коновальца попросили составить ее программу. Цель – создание Украинского суверенного соборного (то есть объединенного, единого) государства. Причем имелось в виду чисто национальное государство, «Украина для украинцев».

Движение страдало от недостатка средств – небогатая украинская эмиграция много пожертвовать не могла. Искали союзников. Пытались найти поддержку у европейских политиков. Коновалец ездил в Женеву, где находилась Лига Наций (прообраз будущей ООН), рассказывал о тяжком положении украинцев как под польским, так и под советским правлением. Но его речи мало кого интересовали.

Организация украинских националистов² взяла на вооружение методы террора. Идеологи движения объяснили свою позицию: если легальные политические методы ничего не дают, подневольный народ имеет право на революционное сопротивление государственному террору.

Главный враг – поляки, поскольку Западная Украина входила в состав Польши. Первоочередная задача – противостояние антиукраинской политике польских властей и месть большевикам за подавление национального движения в Советской Украине.

В 1928 году в подпольную ячейку Украинской военной организации полковника Коновальца вступил студент агрономического факультета Львовского политехнического института

¹ Организации, запрещенные в Российской Федерации.

² Организации, запрещенные в Российской Федерации.

Степан Андреевич Бандера. На следующий год Бандера присоединился к Организации украинских националистов³ и быстро оказался на первых ролях. Он возглавил отдел пропаганды.

– Организация украинских националистов⁴, – убежденно говорил Бандера, – это освободительная политическая организация, которая своими целями, идеями и практической деятельностью разительно отличается от всех других партий. ОУН⁵ сражается во имя всего украинского народа, а не какой-то его части.

Летом 1934 года Степан Бандера подготовил в Варшаве самый громкий теракт предвоенного времени – ликвидацию министра внутренних дел Польши генерала Бронислава Перацкого. Это был ответ на «злодеяния против украинского народа»: министр принимал жесткие меры против украинских националистов. Решение убить министра приняли на тайном совещании в Берлине, в котором участвовали основные вожди ОУН⁶ от Коновальца до Бандеры.

Совершить теракт изъявили желание трое добровольцев-оуновцев. Бандера выбрал работавшего в цинкографии двадцатилетнего Грица Мацейко. И не промахнулся.

15 июня министр Перацкий приехал в варшавский «Товарищеский клуб», где обыкновенно обедал. Он вылез из машины и пошел к входу. Грица Мацейко снабдили бомбой и пистолетом. Бомба – самодельная, изготовленная в краковской химической лаборатории ОУН⁷ – не сработала. Тогда боевик вытащил пистолет, подбежал к министру и несколько раз выстрелил в Перацкого. Все это произошло на глазах дворника, открывавшего министру дверь.

– Министра Перацкого застрелили! – закричал он и бросился за убийцей вдогонку.

Гриц Мацейко, фантастически хладнокровный человек, как ни в чем не бывало, шел по улице, посвистывая.

– Это он! – кричал дворник на всю улицу.

И только тогда Мацейко побежал. Его пытался задержать охранник, дежуривший у здания японского консульства. Мацейко выстрелил, и тот испуганно отскочил. За убийцей бросился полицейский – его Мацейко ранил. И сумел убежать. Его вывезли в Чехословакию, оттуда в Аргентину.

В ходе массовой облавы польская полиция арестовала и Бандеру. Нашли студента-химика, который готовил бомбу. А со студентом работал Бандера... На скамью подсудимых в ноябре 1935 года посадили двенадцать человек, причастных к теракту.

На процессе в Варшавском окружном суде Степан Бандера держался очень стойко и завоевал славу человека, преданного украинскому национальному движению:

– Вины за собой не признаю. Свою революционную деятельность я считаю исполнением своих обязанностей.

На процессе клеймил не только польскую власть, но и советскую:

– ОУН⁸ выступает против большевизма потому, что большевизм – это система, с помощью которой Москва поработила украинскую нацию, уничтожив украинскую государственность. Большевизм методами физического уничтожения борется на восточноукраинских землях с украинским народом, а именно – массовыми расстрелами в подземельях ГПУ, уничтожением голодом миллионов людей и ссылками в Сибирь, на Соловки. Большевики применяют физические методы, поэтому и мы применяем в борьбе с ними физические методы...

Бандера отказался говорить по-польски. Демонстративно отвечал только на украинском, пока судья не приказал вывести его из зала. 13 января 1936 года его приговорили к смертной

³ Организации, запрещенные в Российской Федерации.

⁴ Организации, запрещенные в Российской Федерации.

⁵ Организации, запрещенные в Российской Федерации.

⁶ Организации, запрещенные в Российской Федерации.

⁷ Организации, запрещенные в Российской Федерации.

⁸ Организации, запрещенные в Российской Федерации.

казни, которую заменили пожизненным заключением, поскольку именно в тот момент польский сейм объявил амнистию. Бандера сидел в трех разных тюрьмах. Трижды объявлял голодовку – одну держал девять дней, другую тринадцать, третью – шестнадцать.

Пока Степан Бандера отбывал свой срок, советские чекисты позаботились о его карьере. Нарком внутренних дел Ежов приказал ликвидировать Коновальца.

23 мая 1938 года начинавший свою карьеру в разведке будущий генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов в самом центре Роттердама преподнес Коновальцу коробку конфет.

Судоплатов, родившийся в Мелитополе, рано остался без родителей. Совсем юным его взяли в органы госбезопасности на Украине, потом перевели в Москву, в отдел кадров ОГПУ. В 1932 году он приступил к службе в Иностранном отделе.

В июле 1935 года агент НКВД в Финляндии представил молодого человека, прибывшего с Советской Украины, членам главного провода (руководства) ОУН⁹ Емельяну Сенику-Грибовскому и Дмитро Андреевскому. Павел Судоплатов выдавал себя за искреннего сторонника независимости Украины. Его снабдили документами на имя Павла Грищенко. Не так много людей приходило с той стороны. Поэтому Судоплатова привели к Коновальцу. Молодой человек понравился полковнику. Они встречались потом в Париже и Берлине. Судоплатова чекисты устроили радистом на торговое судно «Шипка», и это прикрытие позволяло ему свободно появляться в европейских столицах.

В тот день они встретились с Коновальцем в центре Роттердама в ресторане гостиницы «Атланта». Коновалец путешествовал по Европе с литовским паспортом на имя Юзефа Новака. Было без десяти двенадцать. Судоплатов страшно торопился, объяснил: нужно возвращаться на судно.

Коновалец тоже вышел из кафе. Через несколько минут, когда он проходил мимо кинотеатра, раздался взрыв. Главу Организации украинских националистов¹⁰ буквально разнесло на куски. Ранения получили и двое прохожих...

Полковник Коновалец обожал шоколадные конфеты. Коробку чекисты начинили взрывчаткой. Судоплатов нес ее в вертикальном положении. Вручая полковнику, повернул, как положено, в горизонтальное. И тем самым привел в действие взрыватель.

Во всяком случае, так рассказал сам Павел Судоплатов – в воспоминаниях, появившихся в середине девяностых. Никакими документами на сей счет мы не располагаем. Если они и существуют в архиве госбезопасности, их не рассекречивали.

Насколько надежны воспоминания Павла Судоплатова, изданные, когда автору было уже под девяносто? Его сын Анатолий Павлович показывал мне видеозапись интервью с отцом: Судоплатов-старший говорил с трудом и не все мог вспомнить. Возможность рассказать о себе представилась в тот момент, когда память была уже не так хороша.

Анатолий Судоплатов в юности хотел служить в том же ведомстве, но его не взяли, поскольку Судоплатов-старший был осужден в 1958 году «за производство опытов над людьми, похищения и многочисленные убийства», за что и отсидел десять лет. Влюбленный в своего отца, безмерно восхищавшийся его делами, Анатолий Павлович, как я понимаю, и был главным автором воспоминаний генерала Судоплатова, вложив в них все, что в разное время слышал от отца.

А смерть Евгена Коновальца открыла дорогу Степану Бандере, который оказался куда более опасным врагом советской власти.

⁹ Организации, запрещенные в Российской Федерации.

¹⁰ Организации, запрещенные в Российской Федерации.

Под солнцем Испании

В июле 1934 года Объединенное государственное политическое управление Сталин преобразовал в Наркомат внутренних дел.

Офицеры госбезопасности ходили в гимнастерках защитного цвета и синих брюках. Петлицы были крапового цвета. На гимнастерку нашивался красный нарукавный знак, на котором было вышито изображение серпа и молота, на них вертикально накладывался меч.

Все оперативные отделы объединили в Главное управление государственной безопасности НКВД. Ради конспирации отделы стали номерными. С 25 декабря 1936 года Иностранный отдел именовался 7-м отделом ГУГБ НКВД. Начальником 7-го отдела утвердили Абрама Ароновича Слуцкого, служившего в госбезопасности с 1920 года.

7 октября 1935 года было принято постановление ЦИК и Совнаркома СССР об установлении специальных званий начальствующего состава Главного управления государственной безопасности НКВД. Слуцкий был включен в список руководящих работников НКВД, которым постановлением политбюро от 26 ноября 1935 года присвоили новые специальные звания. Слуцкий получил высокое звание комиссара госбезопасности 2-го ранга. В армейской иерархии оно приравнивалось к званию генерал-полковника.

Слуцкий сам работал в Берлине, поэтому хорошо понимал проблемы резидентов. Умный и вежливый, он был способен выслушать и понять подчиненного. При нем штаты разведки составили уже двести десять человек. Слуцкий руководил и работой сотрудников НКВД, которые были отправлены в республиканскую Испанию, где разгорелась гражданская война.

После парламентских выборов 1936 года у власти в Мадриде впервые оказались радикально настроенные социалисты. Главной силой стали коммунисты – благодаря своей организованности. Компартией руководил Хосе Диас, недавний анархист. Он страдал от рака желудка. В декабре 1938 года он уедет в Советский Союз. Не выдержав боли, в сорок втором в Тбилиси выбросится из окна.

На посту генерального секретаря его сменила Долорес Ибаррури по прозвищу Пассионария (то есть «Страстная»). 18 июля 1936 года на митинге она произнесла слова, которые станут знаменитыми: «Но пасаран!» («Они не пройдут!»). И вошла в историю. Ее имя облетело весь мир. Сколько миллионов людей гордо повторяли эти слова!

Испания была очень религиозной. Набожных офицеров пугали антицерковные настроения левых. Консервативно настроенные военные считали, что левые служат мировому коммунизму. И в офицерской среде созрел заговор. Офицеры решили, что придется силой подавить безбожников и анархистов. В ночь на 18 июля 1936 года военные подняли мятеж.

Восстание должен был возглавить генерал Хосе Санхурхо, но он погиб в авиационной катастрофе. Его везли в небольшом самолете, а он прихватил с собой слишком много вещей. Тяжелый чемодан с парадным мундиром его и погубил.

На пост вождя претендовал другой генерал – Эмилио Мола. Именно ему принадлежат исторические слова о «пятой колонне». Он имел в виду своих тайных сторонников, которые изнутри поддерживают армию националистов, наступающую на Мадрид четырьмя колоннами. Но он тоже погиб в авиакатастрофе – его самолет врезался в гору. Испанским путчистам не везло в небе.

1 октября 1936 года руководители мятежа поставили во главе своего правительства Франциско Франко, который стал генералом в тридцать три года. Самый молодой генерал в Европе после Наполеона Бонапарта! В его личном деле было записано: «Является национальным достоянием». Теперь ему присвоили высшее воинское звание генералиссимуса и почтительно именовали каудильо – вождем.

Мятежников поддержали фашистские вожди. Адольф Гитлер и Бенито Муссолини признали режим Франко и оказали ему военную помощь. А республиканцев поддержал Советский Союз. Приход к власти крайне левых в Испании, среди которых коммунисты играли главную скрипку, обрадовал Москву, где все еще ожидали мировой революции. Республиканцы получили оружие и боевую технику. Советские офицеры служили в испанской армии советниками или даже занимали высшие командные должности. В Мадрид командировали и чекистов.

19 августа 1937 года нарком внутренних дел Ежов отправил совершенно секретную записку Сталину:

«Наш диверсионный отряд численностью в двенадцать человек под руководством т. Орловского и его помощника т. Ярошения Степана Павловича, находясь в глубоком тылу противника, 13 июня сего года в пятнадцати километрах северо-восточнее города Ель-Реаль (провинция Севилья), после ряда удачных операций наткнулся на засаду силой в тридцать человек. Во время перестрелки геройски погиб наш работник т. Ярошения Степан Павлович.

Тов. Ярошения был одним из руководителей организации взрывов поездов на железнодорожных линиях Севилья – Бадахос и Севилья – Касадыя.

Семья т. Ярошения состоит из жены Надежды Ивановны и двух детей – одиннадцати и шести лет, проживающих в деревне Красная Слобода – БССР.

Ходатайствую о награждении т. Ярошения Степана Павловича орденом Красного Знамени, о выдаче семье т. Ярошения, согласно существующим положениям, единовременного пособия в размере двадцати пяти тысяч рублей и о назначении семье т. Ярошения, как семье командира, погибшего в Испании, персональной пожизненной пенсии в размере пятисот рублей в месяц».

Сталин согласился, и 20 августа 1937 года предложение наркома было утверждено решением политбюро. А упомянутый в записке Ежова командир диверсионного отряда Кирилл Прокофьевич Орловский – человек невероятной судьбы.

В 1910 году он окончил Поповщинскую церковно-приходскую школу. В 1915-м его призвали в царскую армию. Демобилизовали в январе 1918 года. В мае 1918-го начал служить в ЧК Оршанского уезда. В августе 1920 года его командировали на нелегальную работу в соседнюю Литву – готовить восстание. Но неудача в войне с Польшей поставила крест на всех планах. Его отослали назад.

В конце 1921 года Центральное бюро Коммунистической партии Белоруссии отправило Орловского на нелегальную работу в Западную Белоруссию, входившую в состав Польши. Под его руководством подпольщики убили сотню польских жандармов и помещиков. В тридцатых годах он занимался подготовкой партизанских кадров на случай большой войны. В 1937-м его командировали в Испанию. Вернулся с орденом Ленина. После специальных курсов НКВД в Москве – Китай. Вернулся в мае 1942 года.

В октябре 1942 года майор госбезопасности Орловский был отправлен на территорию оккупированной немцами Белоруссии. Его боевая группа высадилась в районе Выгоновского озера. Свою группу он развернул в отряд специального назначения «Соколы», действовавший на территории Беловежской Пуши.

Утром 17 февраля 1943 года в Машуковских лесах партизаны ждали на охоту генерального комиссара Белоруссии гауляйтера Вильгельма Кубе и его заместителя Фридриха Фенца. Со своим отрядом Орловский подстерег немцев на обратном пути. Они перестреляли немцев и полицейских. Но гауляйтера Кубе среди них не оказалось.

У Орловского в руках разорвалась связка тола. Началась гангрена. Ему ампутировали правую руку без наркоза – пилой. 20 сентября 1943 года он получил Золотую Звезду Героя Советского Союза.

В декабре 1944 года полковник Орловский ушел в отставку и стал председателем колхоза «Рассвет» в родном селе Мышковичи. В 1965 году он получил вторую Золотую Звезду – Героя Социалистического Труда.

Командированные в Испанию чекисты боролись не только против франкистов.

На стороне республиканцев сражались европейцы и американцы разных взглядов – антифашисты, идеалисты, романтики, а также искатели приключений и прирожденные авантюристы. Сюда приехали выдающиеся писатели – Эрнест Хемингуэй, Антуан де Сент-Экзюпери, Джон Дос Пассос.

Иностранцев добровольцев зачисляли в интернациональные бригады. Семь интербригад насчитывали несколько десятков тысяч человек. Больше всего было французов, итальянцев, американцев. Через интербригады прошли видные деятели компартий, будущие руководители социалистических стран.

История Испании полна кровавых страниц. В XIX веке уже были две гражданские войны, где пленных не брали... И не было привычки договариваться. Как и привычки мириться с инкомыслием. Испанцы считали, что правда только одна. Иная точка зрения невозможна. Всеобщая нетерпимость и привела к гражданской войне, в которой обе стороны проявили невероятную жестокость.

Нещадно бомбили и обстреливали города противника, не жалея мирных жителей и памятников архитектуры. После чего обе стороны приглашали журналистов, показывали, что творит враг! Искренне возмущались варварством врага. А сами делали то же самое.

Многие левые и либерально мыслящие люди были сильно разочарованы увиденным в республиканской Испании.

Комиссар госбезопасности Слуцкий сам побывал в Испании. Объяснил своему коллеге из военной разведки Вальтеру Германовичу Кривицкому, позднее оставшемуся на Западе:

– Мы не позволим превратить Испанию в площадку для сбора всяких антисоветских элементов, слетающих туда со всего света. Теперь это наша Испания, часть советского фронта. Кто знает, сколько шпионов среди этих добровольцев? Анархисты и троцкисты, даже если они борцы-антифашисты, они наши враги. Мы должны их выкорчевывать.

Дальняя цель Сталина в воюющей Испании состояла в том, чтобы с помощью интернациональных бригад взять страну под контроль. Но его планам мешала Рабочая партия марксистского единства, известная по своей аббревиатуре ПОУМ (Partido Obrero de Unificación Marxista). Это была марксистская партия, но не просоветская.

В партии состояло сорок тысяч человек – большая сила. Партия внесла большой вклад в борьбу против Франко. Сформировала из своих сторонников дивизию и отправила ее на фронт. Лидер партии Андрес Перес Нин был очень популярен в Испании. Но члены Рабочей партии – в отличие от испанских коммунистов – не желали подчиняться советскому генсеку и, напротив, симпатизировали Льву Троцкому. Лидеры Рабочей партии обвинили Сталина в создании «бюрократического режима» и пригласили Троцкого в Барселону.

Присланные из Советского Союза чекисты получили приказ бороться с троцкистами, анархистами, анархо-синдикалистами. Указание было недвусмысленным: «Исключить троцкистов из всех антифашистских органов; троцкистов следует рассматривать не как антифашистов, а как авангард фашизма и агентуру гестапо».

В результате испанские коммунисты открыли второй фронт против собственных союзников в борьбе против Франко. Батальоны Рабочей партии расформировали. Сама Рабочая партия марксистского единства была объявлена вне закона и уничтожена. В июне 1937 года сорок руководителей партии арестовали по сфабрикованным резидентурой НКВД обвинениям в сотрудничестве с фалангистами Франко.

Арестовали и лидера партии Андреса Нина. Но этого было недостаточно для Сталина. Нина вывезли из тюрьмы на машине и убили. В Испании полагают, что это сделали сотрудники

советской разведки. В архивах нашлись телеграммы резидента политической разведки в Испании майора госбезопасности Александра Михайловича Орлова относительно судьбы некоего «Николая», который был похищен и ликвидирован. День его ликвидации совпадает с днем исчезновения Андреса Нина.

Так разрушалось единство республиканских сил. Террор, устроенный левыми, которых инструктировали советские чекисты, сыграл на руку Франко. Испанцы испугались коммунистической диктатуры. Расправы вызвали разочарование интеллигенции, которая ехала в Испанию воевать против фашизма. В рядах Рабочей партии марксистского единства воевал британский писатель Джордж Оруэлл. Когда на его глазах партию уничтожили, он осознал опасность создаваемой коммунистическими вождями тоталитарной системы. И описал ее в книгах, которые станут знаменитыми, – «Скотный двор» и «1984».

Ликвидация на языке разведки именовалась тогда «литерным делом». В августе 1937 года майор Орлов получил из Москвы указание уничтожить приехавшего в Испанию воевать за республику австрийского социалиста Курта Ландау, который поддерживал Рабочую партию и был сторонником Троцкого.

Александр Орлов докладывал в Москву:

«Литерное дело Курта Ландау оказалось наиболее трудным из всех предыдущих. Он находится в глубоком подполье... Но я надеюсь, что мы и этот литер проведем так, как вы этого от нас требуете».

Курта Ландау нашли и убили.

Лидеры эмиграции, перебежчики и Троцкий – вот главные объекты интереса советской разведки того времени. Причем задача состояла не только в том, чтобы следить за каждым их шагом, но и при первой же возможности уничтожить.

«Я возвращаю себе свободу!»

Еще в июне 1930 года во Франции попросил политического убежища Георгий Сергеевич Агабеков, недавний начальник восточного сектора Иностранного отдела ОГПУ и резидент разведки в Турции и на Ближнем Востоке. Бывший прапорщик, он служил в Красной армии, пока его не взяли в ЧК. С 1924 года работал в Иностранном отделе.

Агабеков открыто заявил, что порвал с советским режимом. 1 июля 1930 года парижская газета «Последние новости» опубликовала его заявление:

«Я имею сотни честных друзей-коммунистов, сотрудников ГПУ, которые так же мыслят, как и я, но, боясь мести за рубежом СССР, не рискуют совершить то, что делаю я. Я – первый из них, и пусть я послужу примером всем остальным честным моим товарищам, мысль которых еще окончательно не заедена официальной демагогией нынешнего ЦК. Я зову вас на борьбу за подлинную, настоящую, реальную свободу».

Он стал первым советским разведчиком, бежавшим на Запад. Написал воспоминания в 1930 году. Они вышли под названием «Секретный террор: записки разведчика». Георгий Агабеков описал, как служба в разведке постепенно стала завидной, и чекисты из внутренних подразделений мечтали перевестись в Иностранный отдел:

«Посторонний зритель, если он попадет в Иностранный отдел, заметит две категории различно одетых людей. Одни ходят в защитного цвета казенных гимнастерках и кепках. Другие – в прекрасно сшитых из английского или немецкого сукна костюмах, в дорогих шляпах и франтоватых галстуках.

Первые – это сотрудники, еще не побывавшие за границей, а вторые – это вернувшиеся из-за границы, где они по приезде в первую очередь понашили себе достаточный запас костюмов. Вот почему первые, еще не побывавшие за границей, мечтают, «рискуя жизнью», поехать в капиталистические страны».

Летом 1937 года Агабеков, судя по всему, был ликвидирован недавними сослуживцами из летучей группы, уничтожавшей перебежчиков. Труп его не был найден. Ныне считается, что это дело рук Александра Михайловича Короткова, будущего генерала и начальника нелегальной разведки.

Чекисты действовали по советскому закону. 21 ноября 1927 года ЦИК СССР (высший орган государственной власти) постановил: «Лица, отказавшиеся вернуться в Союз ССР, объявляются вне закона. Объявление вне закона влечет за собой: а) конфискацию всего имущества осужденного, б) расстрел осужденного через 24 часа после удостоверения его личности. Настоящий закон имеет обратную силу».

Иначе говоря, бежавший от советской власти автоматически подлежал уничтожению. Бегство из Советского Союза и было самым страшным преступлением. Причем наказанию подлежали и те, кто совершил это «преступление» до принятия закона!

11 марта 1934 года старший техник 209-й авиационной бригады Вахромеев вместе с техником Дмитриевым перелетели в Маньчжурию. Сталин был вне себя – в декабре 1931 года точно так же улетел летчик Тренин. Иностранная печать писала, что люди бегут из Советского Союза.

9 июня 1934 года «Правда» поместила принятое накануне Центральным исполнительным комитетом Союза ССР постановление «О дополнении Положения о контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления статьями об измене Родине».

В нем говорилось, что «переход на сторону врага, бегство или перелет за границу караются высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества».

Постановление вводило принцип коллективной ответственности и предусматривало беспредельно жестокое наказание для родственников бежавших:

«В случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, – караются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, – подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет».

Игнатий Станиславович Порецкий, он же Натан Маркович Порецкий, он же Игнатий Рейсс, кличка Людвиг, с 1920 года служил в советской военной разведке. Летом 1937 года Порецкий заявил, что уходит на Запад. Он встретился с сотрудницей советского постпредства в Париже и вручил ей пакет, в который вложил орден Красного Знамени (странным образом орден оказался у Порецкого с собой – разведчикам не полагалось брать с собой за границу подлинные документы и награды) и открытое письмо Сталину.

В письме говорилось:

«Я возвращаю себе свободу. Назад к Ленину, его учению и делу... Только победа освободит человечество от капитализма и Советский Союз от сталинизма. Вперед к новым боям за социализм и пролетарскую революцию! За организацию Четвертого интернационала!»

Полтора десятка лет на службе в разведке странным образом не избавили Порецкого от революционного романтизма. Порецкий всю жизнь был солдатом мировой революции и от Сталина ушел к Троцкому, считая именно его подлинным наследником ленинского дела.

Вождем воспринял письмо Игнатия Порецкого как личное оскорбление – высланный из России и утративший всякое влияние в родной стране Лев Троцкий оставался в параноидальном мозгу Сталина врагом номер один. Вождь распорядился убить перебежчика.

Все организовал Сергей Михайлович Шпигельглас.

Он родился в Варшаве в 1897 году, окончил реальное училище, поступил на юридический факультет Московского университета. Прямо со студенческой скамьи его призвали в царскую армию, он служил прапорщиком в запасном полку. После революции – в Московском военном комиссариате.

В 1918 году Сергея Шпигельгласа взяли в Особый отдел (военная контрразведка) ВЧК. Работал в контрразведывательном и оперативном отделах. Потом попал в Иностраннный отдел, поскольку свободно говорил по-немецки, по-французски и по-польски. Жена одного из разведчиков вспоминала: «Шпигельглас – толстый, светловолосый маленький человек с выпуклыми глазами».

Шпигельглас выбрал себе оперативный псевдоним, который сегодня кажется, мягко говоря, странным, – Дуче. Так именовали вождя итальянских фашистов Бенито Муссолини. Но в начале тридцатых слово «дуче» не звучало так одиозно. Советский Союз поддерживал с фашистской Италией полноценные отношения.

Он был умелым и эффективным разведчиком и дорос в октябре 1936 года до должности заместителя начальника Иностранного отдела. Шпигельглас обладал правом напрямую отправлять Сталину разведывательные сводки ИНО ГУГБ.

В середине тридцатых годов он подолгу нелегально жил в Западной Европе, в том числе и в Париже, чтобы непосредственно руководить наиболее важной агентурой. Ему и поручили ликвидировать Порецкого.

В ночь на 4 сентября 1937 года неподалеку от швейцарской границы на шоссе, ведущем из местечка Шамбланд на Женевском озере в Лозанну, обнаружили тело убитого советского разведчика Игнатия Порецкого, более известного под фамилией Рейсс.

Из головы мертвого разведчика при вскрытии извлекли пять пуль, из тела – еще семь. Его пальцы сжимали прядь русских волос – это помогло швейцарской полиции. Полиция обнаружила брошенный автомобиль со следами крови в кабине и арестовала женщину, которая взяла машину напрокат. Ее звали Рената Штайнер, и она не могла понять, куда делись ее друзья, которым она передала этот автомобиль. Полиция идентифицировала ее «друзей» и восстановила предполагаемую картину убийства. Но никого, кроме самой Ренаты Штайнер, найти не удалось.

Полагают, что московской опергруппе помогла Гертруда Шильдбах, член Компартии Германии, бежавшая из страны после прихода нацистов к власти. Советские разведчики регулярно просили ее оказывать «небольшие услуги» – обычно следить за какими-то людьми.

Полиция пришла к выводу, что Гертруда Шильдбах уговорила Порецкого встретиться. Они отправились в загородный ресторан. Пообедав, пошли гулять, и тут, на заброшенной дороге, появился автомобиль, из которого выскочило несколько человек. Они запихнули Порецкого в машину, где его застрелили. Труп выбросили на дорогу.

Соучастниками ликвидации советского разведчика называют разных людей – как правило, непрофессионалов. Версии убийства Игнатия Порецкого, которыми оперируют историки, вызывают серьезные сомнения. К сожалению, до сих пор соответствующее досье так и не извлечено из архивов внешней разведки. Поскольку времена, когда архивы открывались, позади, то, возможно, мы уже никогда не узнаем правду. А строить предположения, не имея достаточной информации, опасно. Легко ошибиться.

Это было не первое и не последнее политическое убийство, совершенное НКВД за рубежом. Неограниченность в силах и средствах давала возможность тщательно организовывать эти убийства. Акции, требующие подготовки, выполнялись кадровыми работниками госбезопасности. Оперативные группы перебрасывались из России за рубеж (в НКВД могли изготовить фальшивые документы всех стран). Генерала Кутепова в 1930 году похитили в Париже сотрудники резидентуры внешней разведки и прибывшие к ним на помощь оперативные работники НКВД.

Первоначально убить Порецкого поручили майору госбезопасности Теодору Малли (в Иностранном отделе его называли Теодором Степановичем, оперативный псевдоним Манн). Малли был венгром, католическим священником. В Первую мировую служил в австро-венгерской армии и попал в русский плен. После Октябрьской революции вступил добровольцем в Красную армию, потом его взяли в ВЧК. Он успешно работал нелегальным резидентом в Лондоне, руководил работой Кима Филби и его друзей, изъявивших желание помогать советской разведке.

«Высокий, красивый мужчина с голубыми доверчивыми глазами и очаровательной улыбкой, которая отличает людей от природы застенчивых, – вспоминала вдова Порецкого Элизабет. – Он проявил себя преданным другом, на которого можно было положиться».

Сергей Шпигельглас, приехав в Париж, вызвал к себе Теодора Малли. Сергей Михайлович подчинил себе парижскую резидентуру. Вообще-то в советской колонии резидент вел себя как царь, бог и воинский начальник. Он мог даже не присутствовать на партийных собраниях. И полпред не смел сделать ему замечание, знал, что с резидентом не ссорятся. Но в присутствии Шпигельгласа резидент чувствовал себя неуверенно и вел себя скромно.

После назначения наркомом внутренних дел Николая Ивановича Ежова заграничный аппарат менялся буквально на глазах. Резидентов и их помощников отзывали в Москву одного за другим. В лучшем случае отстраняли от работы, в худшем арестовывали. Вот поэтому парижский резидент боялся московского начальства. Понимал: операция пройдет неудачно – придется возвращаться домой.

К тому времени Сергей Шпигельглас получил специальное звание майора госбезопасности. Майор госбезопасности был выше по званию, чем обычный армейский майор. Майор гос-

безопасности носил в петлицах один ромб – то есть приравнивался к генералу. За границей чекисты формы не носили, но все знали, насколько влиятелен Шпигельглас.

Он предложил Теодору Малли два варианта на выбор. Ударить Порецкого утюгом по голове в его гостиничном номере и инсценировать ограбление. Или отравить во время совместной трапезы в кафе и распрощаться раньше, чем тот уйдет в мир иной.

Малли дружил с Порецким и отказался от поручения. Его отозвали в Москву. Арестовали его 7 марта 1938 года, когда брали нашедших приют в Советском Союзе венгерских коммунистов. Он жил на Малой Лубянке, так что везти было недалеко. 20 сентября его приговорили к смертной казни, расстрелян в тот же день.

Вместо Малли из Москвы вызвали специалистов по «мокрым делам». Павел Судоплатов, который, занимаясь в НКВД такими делами, дослужился до генеральского звания, в своих воспоминаниях назвал имена убийц Порецкого – двух сотрудников Иностранного отдела, их позднее отметили орденами Красного Знамени.

Один из них, Ролан Аббиат, родился в Англии, его отец был профессором консерватории. С начала тридцатых работал на советскую разведку. После убийства Рейсса переехал в СССР, получил орден и гражданство. Трудился в ТАСС под именем Владимира Сергеевича Правдина. В Великую Отечественную его как англоговорящего журналиста командировали в Соединенные Штаты. Когда после войны вскрылся масштаб советской разведывательной сети в Северной Америке, вернули в Москву. В 1953 году о нем вспомнил Судоплатов, вновь зачислил Ролана Аббиата в кадры госбезопасности, но ненадолго. Аббиат умер в 1970 году.

Второй, Борис Мануилович Афанасьев (настоящая фамилия Атанасов), родился в Болгарии, член компартии. После попытки убить болгарского министра бежал в Советский Союз. С 1932 года служил в Иностранном отделе. Участвовал в краже архива Льва Троцкого. В 1947-м его убрали из органов. В 1953 году, после смерти Сталина, тоже вернули в кадры, а после ареста Берии опять уволили. Нашли ему другую работу – заместителя главного редактора журнала «Советская литература» на иностранных языках. Он умер в 1981 году.

После убийства Порецкого его друг Вальтер Кривицкий попросил политического убежища во Франции. Его несколько раз пытались убить. В декабре 1938 года переехал в США. Написал книгу «Я был агентом Сталина». В феврале 1941 года он ушел из жизни при до конца не выясненных обстоятельствах.

В ходе кровопролитной чистки советская военная разведка была фактически уничтожена. Генерал-майор Виталий Александрович Никольский, который начинал службу в Разведывательном управлении Красной армии еще накануне войны, рассказывал мне:

– Репрессии, которые развернулись после «дела Тухачевского», нанесли армии такой удар, от которого она не успела оправиться к началу войны. К 1940 году в центральном аппарате военной разведки не осталось ни одного опытного сотрудника. Все были уничтожены. Нашими начальниками становились наскоро мобилизованные выдвиженцы, в свою очередь менявшиеся, как в калейдоскопе...

Когда в Москве арестовывали офицера центрального аппарата, то разведчики, которые на нем замыкались, – легальные и нелегальные, автоматически попадали под подозрение. Сначала их информации переставали доверять. Потом отзывали в Москву и уничтожали. Бывало, нашего разведчика отзывали так стремительно, что он не успевал передать свою агентуру сменщику.

Похищение генерала Миллера

22 сентября 1937 года генерал-лейтенант Евгений Карлович Миллер появился на парижской улице Колизе в половине одиннадцатого утра. В жилом доме № 29 много лет арендовала несколько комнат канцелярия Русского общевойинского союза.

Миллера по-прежнему именовали генералом, и сам он считал себя находившимся на службе, хотя давно переделся в штатское. Как и его сотрудники в Русском общевойинском союзе. Все они были эмигрантами, все они вынуждены были покинуть родину, проиграв Гражданскую войну и не желая покориться победителям – большевикам.

Миллер занимался делами бумажного свойства у себя в кабинете. А в начале первого ушел, объяснив своему подчиненному – начальнику канцелярии РОВС генералу Павлу Алексеевичу Кусонскому, что у него назначено свидание в половине первого, после чего он намерен возвратиться на службу. Стоял теплый сентябрьский день, и Евгений Карлович не взял с собой пальто, о чем впоследствии сильно пожалел.

В канцелярию РОВС Миллер больше не вернулся. План похищения, разработанный оперативной группой советской разведки, сработал.

Но сохранить все в тайне не удалось.

Уходя на встречу с неизвестными ему людьми, Миллер оставил в рабочем кабинете пакет, который следовало вскрыть в случае его неоправданно долгого отсутствия. В пакет Миллер положил записку с точным указанием, где, когда и с кем он намерен встретиться. Так он поступил 22 сентября 1937 года.

Но никто об этом не знал!

Первой забеспокоилась жена генерала Миллера. Вечером Наталья Николаевна поинтересовалась у подчиненных мужа, что им известно о местонахождении Евгения Карловича, который даже не приехал обедать. А в канцелярии РОВС собрались его давние соратники по Гражданской войне на Севере России. На восемь вечера назначена встреча, а Миллера, известного своей пунктуальностью, все нет! Не дождавшись Евгения Карловича, ввиду позднего времени разошлись.

В девять вечера Наталья Николаевна позвонила в канцелярию и попросила постоянно дежурившего там Василия Владимировича Асмолова обратиться в полицию. Бывший редактор ростовской газеты «Утро Юга» Асмолов в эмиграции остался без заработка и жил в помещении РОВС, исполняя, кроме прочих, обязанности ночного сторожа. Асмолов оповестил начальника канцелярии генерала Кусонского и адмирала Михаила Александровича Кедрова, заместителя Миллера по РОВС.

Кусонский, встревоженный непонятным исчезновением председателя, появился в одиннадцатом часу вечера. Кусонский был прирожденным штабистом. В Первую мировую служил в Ставке Верховного главнокомандующего. Но в тот сентябрьский день 1937 года он проявил поразительную нерасторопность. Не сразу вспомнил об оставленном Миллером конверте. Если бы генерал Кусонский прочитал записку раньше, возможно, Евгения Карловича удалось бы спасти. Но он вскрыл оставленный генералом конверт лишь в половине одиннадцатого вечера.

Что же говорилось в этой записке, изменившей судьбу стольких людей?

Покидая канцелярию, председатель РОВС написал:

«У меня сегодня в 12:30 свидание с ген. Скоблиным на углу улиц Жасмен и Раффе. Он должен отвезти меня на свидание с германским офицером, военным атташе в балканских странах Штротманом и с Вернером, чиновником здешнего германского посольства.

Оба хорошо говорят по-русски. Свидание устраивается по инициативе Скоблина. Возможно, что это ловушка, а потому на всякий случай оставляю эту записку».

Миллер явно ни в чем не подозревал самого генерала Скоблина, с которым много лет дружил. Иначе бы просто отказался от встречи. Но свиданий с незнакомцами благоразумно остерегался – после почти мистической истории с бесследным исчезновением здесь же, в Париже, его предшественника на посту председателя РОВС генерала Кутепова в 1930 году.

Прочитав записку, генерал Кусонский пребывал в растерянности. Адмирал Кедров, по характеру более решительный, сразу начал действовать. Прежде всего попросил послать Асмолова домой к Скоблину.

– Надо узнать, во-первых, не пропал ли и Николай Владимирович, – озабоченно напутствовал его адмирал Кедров. – Ежели он на месте, то пусть вспомнит, где и когда они расстались с Евгением Карловичем.

Асмолов среди ночи отправился в Озуар-ла-Феррьер, пригородное местечко, где жили Скоблины. Путь неблизкий. Но двухэтажный дом оказался пуст. Асмолов ни с чем вернулся на улицу Колизе. Руководители РОВС предполагали худшее – Миллер последовал за Кутеповым в мир иной. Так еще и Скоблин исчез?..

– Неужели и Николай Владимирович пропал? Но Надежда Васильевна должна была бы остаться дома, почему ее нет? С ней-то что могло приключиться?

Полковник Сергей Александрович Мацылев, начальник канцелярии 1-го отдела РОВС, вспомнил, что Скоблин и Плевицкая, оставшись в Париже, обыкновенно ночуют в гостинице «Пакс». Мацылева и послали навеститься в гостиницу. Причем полковник ничего не знал об уже прочитанной записке Миллера. Поэтому когда он будил Скоблина и просил немедленно приехать, то никак не мог вспугнуть генерала.

Николай Владимирович без шляпы, в легком летнем пальто на такси поехал на улицу Колизе. После исчезновения Миллера он занял бы более важный пост в руководстве РОВС.

Однако события развивались вовсе не так, как планировали Скоблин, Плевицкая и их кураторы из 5-го (Иностранного) отдела Главного управления государственной безопасности Наркомата внутренних дел Союза ССР.

Скоблина сразу же спросили:

– Где Миллер?

– Я не знаю, – ответил генерал, хотя он, единственный из всех присутствующих, как раз точно знал, что именно произошло с Евгением Карловичем.

Он вел себя непринужденно и сохранял совершеннейшее спокойствие.

– Когда вы его видели в последний раз?

– В воскресенье, – не моргнув глазом, ответил Николай Владимирович.

Тогда ему показали записку, оставленную Миллером.

Скоблин смутился. Немногие на его месте сумели бы вовсе не выдать своих чувств. Но хладнокровие тут же вернулось к нему. Все-таки он был не институткой, а боевым генералом, прошедшим две войны – Первую мировую и Гражданскую, и все годы – на передовой. Николай Владимирович твердо сказал, что это ошибка. Именно в то время, когда Миллер с кем-то встречался, они с Надеждой Васильевной преспокойно сидели в ресторане, и тому найдутся свидетели.

Адмирал Кедров и генерал Кусонский ни в чем Скоблина не подозревали. Им в голову не могло прийти, что боевой соратник, с которым они вместе прошли через такие испытания, давно служит советской власти. Но они поняли, что придется обращаться в комиссариат полиции – сделать официальное заявление об исчезновении Миллера. Предложили Скоблину поехать вместе с ними.

И вот теперь Николай Владимирович внезапно осознал, что все рухнуло. Испугался, что в полиции его просто арестуют. Надо спастись! Он улучил минуту, когда внимание растерявшихся руководителей РОВС было отвлечено от него, вышел из комнаты... и исчез. Соратники по Белому делу его больше никогда не увидят.

А Кедров и Кусонский ничего не понимали. Недоумевали: куда вдруг делся Николай Владимирович? Ведь все вместе собрались ехать в полицию... Они же не могли знать, что Николай Скоблин и его жена Надежда Плевицкая в 1930 году согласились тайно работать на советскую разведку.

Записка, оставленная Миллером, – главная и единственная улика. Поэтому под утро к Плевицкой в гостиницу приехали двое полицейских. Они допросили Надежду Васильевну. После первого допроса отпустили. И она, захватив с собой деньги, по всему городу искала мужа, чтобы спасти его и себя. Но поиски были безуспешными. Она не знала, где он может скрываться. Подобный вариант развития событий не предусматривался. Связаться с сотрудниками парижской резидентуры советской разведки она не сумела. Не знала, как это сделать, – отношения с ними поддерживал Николай Владимирович.

Прежняя жизнь рухнула так стремительно, так неожиданно, что она не успела подготовиться. Она внезапно ощутила себя несказанно одинокой. Она чуть с ума не сошла. Она не знала, что делать, куда бежать, где искать исчезнувшего мужа. Она привыкла жить в полной безопасности и потому оказалась особенно чувствительной. Страх потерять мужа поверг ее в панику и ужас. Для него она была самая красивая, самая желанная и интересная женщина в мире. Он делал ее моложе, наполнял смыслом ее жизнь. А следствие шло своим ходом. И Плевицкая, не понимая этого, оказалась в центре расследования. Приехала полицейская машина – за ней.

Оставленную генералом записку следствие сочло доказательством причастности Скоблина к преступлению. Поскольку они с женой в тот день были вместе, то Плевицкую арестовали как очевидную соучастницу. При аресте у нее нашли семь с половиной тысяч франков, полсотни долларов и полсотни фунтов стерлингов – деньги для нищей эмиграции завидные. Эти деньги на суде станут доказательством ее вины.

Для начала комиссар Андре Рош задавал ей самые простые вопросы:

– Как вы провели четверг? Что делали? С кем встречались? Видели ли мужа?

– Если бы я его увидела, – истерически восклицала Плевицкая, слезы навертывались у нее на глаза, – я бы вцепилась в него, не отпустила бы от себя, на эшафот вместе с ним пошла, что бы он ни сделал!.. Но я не нашла его. Не нашла моего Николая... Я знаю, генерал Миллер исчез, это несчастье... Но поймите, муж – мой муж! – бросил меня. Покинул!

– Где же вы были весь день? – настаивал следователь. – Где именно его искали?

– Я сама не знаю. Я как безумная была... Ходила, брала такси, ездила в Булонский лес, в Сен-Клу, сама не знаю куда. Я Парижа не знаю, улиц не помню. Всегда муж возил меня в автомобиле... В каждой машине мерещилось мне – не он ли? Галлюцинации какие-то были. Я даже думала, не у Миллера ли он...

Следователь пригласил и жену генерала Миллера. Увидев ее, Надежда Васильевна Плевицкая смутилась. Попросила следователя оставить их одних. Следователь согласился, надеясь, что беседа с давней подругой заставит Плевицкую дать правдивые показания.

Жена Миллера Наталья Николаевна, дочь генерала и дальняя родственница Пушкина, впоследствии описала разговор с Плевицкой следующим образом.

Плевицкая зарыдала:

– Вы же знаете, как я вас любила... и Евгения Карловича... Разве я могла это сделать?.. Разве мог Николай Владимирович?.. Да я бы первая донесла... Вы верите мне?

Наталья Николаевна молчала.

– Сделайте так, чтобы меня выпустили, – попросила Плевицкая.

Она еще не понимала, что ее ждут суд и очень суровый приговор.

Скоблина не нашли. Комиссар Рош предъявил Надежде Васильевне Плевицкой официальное обвинение в «соучастии в похищении генерала Миллера и насилии над ним». Из здания судебной полиции на набережной Орфевр ее под стражей отвезли в женскую тюрьму.

Так что же произошло с генералом Миллером?

Миллер и Скоблин встретились на углу улиц Раффе и Жасмен. Здесь их поджидал еще один человек. Его имя неизвестно. Скоблин оставил свой автомобиль, и они втроем, разговаривая, пошли по улице Раффе к калитке дома на бульваре Монморанси.

Его за тридцать тысяч франков в год арендовал советский полпред Владимир Петрович Потемкин, будущий академик. В доме находилась школа для детей советских сотрудников, работавших в Париже. Но в сентябре каникулы еще не закончились, и школа пустовала. Позднее следствие обратит внимание на то, что место для похищения Миллера выбрали очень удачно. Советский дом находился на окраине Парижа, возле Булонского леса, в пустынном (в те годы) месте, где редко можно было встретить прохожего – особенно в обеденные часы.

Следствие даже найдет свидетеля последних минут свободной жизни генерала Миллера. Бывший офицер Добровольческой армии 22 сентября 1937 года находился на террасе дома всего в нескольких десятках метров от советской виллы на бульваре Монморанси. Оттуда ему было прекрасно видно, как у самого входа в советский дом стояли хорошо ему известные Миллер и Скоблин, а между ними – спиной к нему – находился какой-то человек плотного сложения. Скоблин в чем-то убеждал Миллера и показывал на калитку советского дома. По-видимому, предлагал генералу войти в дом. Евгений Карлович, похоже, колебался.

Что произошло потом, свидетель не видел, так как в это время его позвали с террасы внутрь дома. Он не придал никакого значения увиденной им сцене. Только на другой день, прочитав в газетах о похищении Миллера и исчезновении Скоблина, понял, чему был свидетелем.

Надо понимать, генерала Миллера втолкнули в дом, где находились оперативники Главного управления государственной безопасности, и все было кончено. Его одурманили хлороформом, уже в бессознательном состоянии заткнули рот и связали руки и ноги. Через несколько минут к дому подкатил новенький восьмицилиндровый грузовичок компании «Форд», приобретенный советским полпредством. В грузовик погрузили большой и тяжелый ящик, его вынесли вчетвером.

Передав Миллера оперативной группе НКВД, Скоблин освободился. Поехал с женой на вокзал провожать дочь генерала Корнилова. Потом в Галлиполийское собрание – пить чай. Затем Скоблин завез жену в гостиницу «Пакс» и оставил немного отдохнуть. А сам вместе с полковником Трошиным и капитаном Григулем поехал благодарить генералов Деникина и Миллера за участие в прошедшем накануне банкете корниловцев.

Не застав – по причине ему одному прекрасно известной – генерала Миллера, Скоблин как ни в чем не бывало, попросил его жену передать генералу искреннюю благодарность преданных Белому делу офицеров-корниловцев.

Впоследствии его невероятное хладнокровие станет предметом взволнованного обсуждения в эмигрантской среде. Он же только что отдал своего старого и доброго друга в руки злейших врагов! Многие задавались вопросом: как Плевицкая и Скоблин могли так поступить, зная, что ждет Миллера в Москве?.. Тюрьма, а то и смерть. Хотя они и предпочли бежать из России, но кое-что уже понимали в советской жизни.

Скорее всего, они просто не думали об этом. И не испытывали ни малейшего сожаления. Не интересовали их ни судьба Миллера, ни страдания его жены и детей. Чувство вины – естественная часть нормальной человеческой личности, но это чувство возникает не у всех. Они целиком и полностью сосредоточились на себе. Важнее всего – собственное благополучие и положение в жизни. Детей у них не было. Заботиться о других они не привыкли. А благотворительность, в которой Плевицкая всегда участвовала, – это нечто иное, это часть образа жизни.

Ближе к вечеру они вернулись к себе в Озуар-ла-Феррьер, чтобы накормить кота и собак. Но вечер еще не был закончен. Им не хотелось сидеть дома, и они вновь поехали в Париж. Плевицкая осталась в гостинице «Пакс», а Скоблин еще раз наведлся в Галлиполийское собрание

и потом только присоединился к жене. Скорее всего, он был доволен тем, как удачно провернул такое дельце.

А Миллера уже искали. Но Скоблин лег спать, не подозревая, что его вскоре разбудят и попросят приехать в канцелярию РОВС. И он никогда больше не увидит свою жену.

А что же происходило с председателем Русского общевойскового союза?

Когда генерала хватились, машина, увозившая Евгения Карловича Миллера, была уже далеко от Парижа. Связанного генерала, находившегося без сознания, на максимальной скорости везли в портовый город Гавр.

Здесь разгружали советское судно «Мария Ульянова», доставившее 5522 тюка с бараньими кожами на общую сумму в девять миллионов франков. Груз предназначался для отправки в Бордо.

Товаро-пассажирское судно «Мария Ульянова» сошло со стапелей Северной судостроительной верфи в Ленинграде 1 мая 1925 года. Скорость – двенадцать с половиной узлов. Команда – сорок два человека. Еще недавно судно носило иное имя – «Ян Рудзутак». Его называли в честь члена политбюро ЦК партии Яна Эрнестовича Рудзутака. Но в мае 1937 года заместитель председателя правительства Рудзутак был арестован (его расстреляют через год). Пароход переименовали – в честь младшей сестры Ленина Марии Ильиничны Ульяновой, умершей в июне 1937 года.

Портовой команде оставалось выгрузить еще шестьсот тюков, когда «Мария Ульянова» внезапно стала готовиться к отходу. Капитан получил по радио малопонятный ему приказ принять важный дипломатический груз и немедленно покинуть порт. Оставшиеся шестьсот тюков с бараньими кожами вернутся в Россию, где их перегрузят на другой пароход и вновь повезут – на сей раз непосредственно в Бордо.

Фордовский грузовичок, покрытый пылью, подкатил к самому причалу, окутанному туманом. Из машины выскочил человек и с неожиданной прытью поднялся по трапу. Вахтенный провел его прямо к капитану. На несколько минут они остались один на один в каюте. Потом капитан стремительно прошел в рубку готовиться к отплытию, а гость вернулся к трапу, чтобы помочь втащить на борт тяжелый груз. По приказу капитана в этот момент с палубы исчезли все матросы.

Таможенникам предъявили документы, из которых следовало, что в ящике – дипломатическая переписка советского полномочного представительства во Французской Республике. Дипломатическая переписка таможенному досмотру не подлежит. Судно немедленно отошло от причала и взяло курс на Ленинград.

Полицейское расследование быстро привело французских сыщиков в Гавр. Они справедливо заподозрили, что Миллера увезли на советском судне. Министр обороны Эдуард Даладье вызвал к себе советского полпреда и потребовал, чтобы пароход немедленно вернулся во Францию. Но разговором дело и ограничилось. Французское правительство не захотело ссориться с Советской Россией.

29 сентября «Мария Ульянова» дошла до Ленинграда, на следующий день Миллера доставили в Москву и поместили во внутреннюю тюрьму Главного управления государственной безопасности НКВД под именем Петра Васильевича Иванова. Его продержат в камере полтора года и под чужим именем расстреляют в мае 1939 года.

А кто же похитил генерала в Париже?

Руководил операцией Сергей Михайлович Шпигель-глас. Он приехал в Париж заранее, в начале июля 1937 года. В кафе «Клозери-де-Лиля» на бульваре Монпарнас встретился с коллегой из соседнего ведомства – Вальтером Кривицким, который руководил нелегальной резидентурой военной разведки в Западной Европе. Разговор состоялся вполне дружеский. Никому не ведомо его будущее...

Первоначально нелегальные резидентуры создавались на случай войны. Считалось, что всех разведчиков, работающих под дипломатической «крышей», вышлют, а разведчики, находящиеся на нелегальном положении, смогут остаться и продолжат работу. Потом пришли к сочетанию легальных и нелегальных резидентур, вторые брали на себя работу, опасную для официального советского представителя.

Операция с генералом Миллером была сложной, так что в помощь Шпигельгласу из Мадрида прибыл руководитель представительства НКВД в республиканской Испании Александр Михайлович Орлов. Из Москвы прислали Вениамина Семеновича Гражуля, который после Гражданской войны начинал в Особом отделе, а в тридцатые использовался на нелегальной работе. Репрессии обошли Гражуля стороной, в войну его перевели на преподавательскую работу. А из «парижан» привлекли заместителя нелегального резидента во Франции капитана госбезопасности Михаила Васильевича Григорьева, оперативный псевдоним Александр.

Резидент в Париже Станислав Мартынович Глинский, который принимал участие в захвате Бориса Савинкова и получил орден Красного Знамени, ровно за месяц до операции был внезапно отозван в Москву. Уезжал Глинский в отличном настроении, но дома был арестован как «польский шпион» и в декабре расстрелян. Его жене дали десять лет лагерей. Она отсидела свой срок полностью, вернулась в 1947 году в Москву. Ее вновь арестовали и отправили в Воркуту, она умерла по дороге.

А Николай Владимирович Скоблин все еще находился в Париже, о чем никто не подозревал. Думали, он в Москве. Его скрывала советская разведка. Надо понимать, в здании полпредства. Он томился от скуки. Переживал за жену. Думал, как ей помочь. Вникал в советскую жизнь. Читал московские газеты и журналы. Ему эта литература была в диковинку. Но он быстро осваивал ритуальные фразы и обороты.

Рассекречен извлеченный из архива документ, подписанный Скоблиным. Надо понимать, последний в его жизни. Это его письмо, адресованное в Москву, датировано оно 11 ноября 1937 года:

«Дорогой товарищ Стах!

Пользуясь случаем, посылаю Вам письмо и прошу принять, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с юбилейным праздником 20-летия нашего Советского Союза.

Сердце мое сейчас наполнено особенной гордостью, ибо в настоящий момент я весь, в целом, принадлежу Советскому Союзу и нет у меня той раздвоенности, которая была до 22 сентября искусственно создана. Сейчас я имею полную свободу говорить всем о моем великом Вожде Товарище Сталине и о моей Родине – Советском Союзе...

Не успел оглянуться, как снова прошло две недели со дня Вашего отъезда. Ничего нового в моей личной жизни не произошло.

От безделья и скуки изучаю испанский язык, но полная неосведомленность о моем «Васеньке» не дает мне целиком отдалиться этому делу.

Как вы полагаете, не следует ли Георгию Николаевичу теперь повидаться со мной и проработать некоторые меры, касающиеся непосредственно «Васеньки»?

Я бы мог дать ряд советов чисто психологического характера, которые имели бы огромное моральное значение, учитывая почти двухмесячное пребывание в заключении и необходимость ободрить, а главное, успокоить».

Он рассчитывал, что разведка как-то сумеет вытащить Надежду Васильевну (которую для конспирации именует «Васенькой»), спасти от тюрьмы...

И все. Больше ни единой весточки. Генерал исчезает бесследно.

Официальная версия такова: Скоблина укрыли на конспиративной квартире советской разведки в Париже, где готовили к поездке в Испанию, поэтому он и учил испанский язык.

Рассекречена шифротелеграмма, отправленная Центром в Париж 28 сентября 1937 года:

«Швед» и «Яше».

Ваш план принимается. Хозяин просит сделать все возможное, чтобы прошло чисто. Операция не должна иметь следов. У жены должна сохраниться уверенность, что тринадцатый жив и находится дома.

Алексей».

Швед – псевдоним Александра Орлова. Яша – псевдоним Якова Серебрянского.

Алексей – псевдоним начальника 7-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД комиссара госбезопасности 2-го ранга Абрама Слуцкого.

Хозяин – это Сталин.

Глава представительства НКВД в республиканской Испании Орлов зафрахтовал самолет, на котором Скоблина переправили в Барселону. Это подтверждает письмо Орлова Шпигельгласу (также рассекреченное) более позднего времени, в котором он вспоминает то дело: «За 15 000 долларов мы могли бы купить самолет типа того, на котором мы с вами вывозили «Фермера».

Фермер – агентурная кличка Скоблина, данная ему при вербовке осенью 1930 года.

А что же приключилось с генералом за Пиренеями? В Испании полыхала гражданская война. Говорили, Скоблин погиб при бомбардировке. Профессионалы уверены, что от Николая Владимировича просто избавились. Историки полагают, что осуществили ликвидацию Орлов и Судоплатов.

Почему ему не сохранили жизнь?

Новое руководство НКВД и разведки в Скоблине больше не нуждалось. Что с ним делать в Москве? Он же всерьез рассчитывал занять обещанную ему высокую должность в Генштабе Красной армии. Но ему не доверяли. Разведчиков, которые работали со Скоблиным, после похищения Миллера расстреляли как иностранных шпионов... Впрочем, те, кто решил его судьбу, вскоре последовали за ним в мир иной. Люди в советской разведке менялись с головокружительной быстротой.

Несмотря на свои заслуги, начальником Иностранного отдела Сергей Шпигельглас так и не стал. Он был арестован 2 ноября 1938 года. Пять месяцев отказывался подписывать то, что от него требовали. Но его пытали, и он не выдержал. Его расстреляли 29 января 1941 года.

Ледоруб Рамона Меркадера

Достать врага на другом конце света оказалось трудновато. Но Сталин считал, что ненавидимый им недавний член политбюро, председатель Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам Лев Давидович Троцкий должен быть уничтожен. А приказы вождя исполнялись неукоснительно.

Троцкий был выслан из СССР в 1929 году. Он перебирался из одной страны в другую, но нигде ему не были рады. Одни не хотели давать приют профессиональному революционеру, другие не желали раздражать Москву, принимая злейшего врага Сталина. Приют Троцкий нашел только в Мексике, куда он добрался в январе 1937 года. Его поселил в своем доме выдающийся мексиканский художник и коммунист Диего Ривера.

Задача была поставлена перед внешней разведкой в 1938 году. В истории отечественных спецслужб эта операция именуется делом «Утка». Окончательный план убийства Троцкого, представленный начальником 5-го (разведывательного) отдела Главного управления государственной безопасности НКВД старшим майором Павлом Михайловичем Фитиным, Сталин одобрил в августе 1939 года.

В разработанном 9 июля 1939 года плане записано:

«Цель: ликвидация.

Методы: агентурно-оперативная разработка, активная группа.

Средства: отравление пищи, воды, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар – удушение, кинжал, удар по голове, выстрел. Возможно вооруженное нападение группы...»

Предполагал ли Троцкий, что чекисты охотятся за ним? Во всяком случае, его предупреждали.

В 1926 году, записывал Троцкий в дневнике, «когда Зиновьев и Каменев, после трех с лишним лет совместного со Сталиным заговора против меня, присоединились к оппозиции, они сделали мне ряд нелишних предостережений».

– Вы думаете, Сталин размышляет сейчас над тем, как возразить вам? – говорил недавний член политбюро и заместитель Ленина в правительстве Лев Борисович Каменев. – Вы ошибаетесь. Он думает о том, как вас уничтожить. Морально, а если возможно, то и физически. Оклеветать, подкинуть военный заговор, а затем, когда почва будет подготовлена, подстроить террористический акт. Сталин ведет войну в другой плоскости, чем вы...

Каменев еще рассказал, как когда-то они втроем – Сталин, Каменев и Дзержинский – сидели вечером на балконе дачи в Зубалове. И Сталин вдруг признался:

– Лучшее наслаждение – наметить врага, подготовиться, отомстить как следует, а потом пойти спать.

Каменеву вторил еще один бывший член политбюро и друг Ленина Григорий Евсеевич Зиновьев, который много времени провел с генсеком, пока они держались вместе:

– Вы думаете, что Сталин не обсуждал вопроса о вашем физическом устранении? Обдумывал и обсуждал. Его останавливала одна и та же мысль: молодежь возложит ответственность лично на него и ответит террористическими актами. Он считал поэтому необходимым рассекать кадры оппозиционной молодежи.

Каменева и Зиновьева Сталин вскоре прикажет расстрелять.

И сам Лев Давидович несколько не сомневался в готовности своего бывшего коллеги по политбюро и правительству отдать приказ о его убийстве. В Алма-Ате к ссыльному Троцкому однажды пришел какой-то инженер. Интересовался его жизнью, между делом спросил:

– Возможны ли какие-либо шаги для примирения?

Лев Давидович ответил, что Сталин мириться не станет.

– Чем это может закончиться? – спросил инженер.

– Мокрым делом, – хладнокровно ответил Троцкий. – Ничем иным Сталин кончить не может.

В Мексике Троцкого охраняли преданные ему люди. Но это были любители, а добраться до бывшего председателя Реввоенсовета старались профессионалы. На выполнение личного задания вождя были мобилизованы все чекистские возможности.

В конце мая 1940 года было совершено первое покушение на Троцкого. Убить изгнанника убедили группу мексиканских коммунистов, среди них был известный художник Давид Альваро Сикейрос, которого с тех пор особенно полюбили советские руководители.

Два десятка человек в полицейской форме разоружили охрану дома Троцкого в Койоакане (неподалеку от Мехико), забросали дом гранатами и обстреляли из пулеметов.

«Нападение произошло на рассвете, около четырех часов, – рассказывал Троцкий. – Я спал крепко, так как после напряженной работы принял снотворное. Проснулся от грохота выстрелов с тяжелой головой, я вообразил сперва, что за оградой происходит народный праздник с ракетами. Но стреляли слишком близко, тут же, в комнате, возле меня... Ясно: случилось то, чего мы всегда ждали: на нас напали. Где полиция? Где стража? Связаны, захвачены или перебиты?... Жена подтолкнула меня на пол, в пространство между кроватью и стеной... Стреляли тут же, в комнате, но мы никого не видели... Осколки оконных рам и стен падали в разных направлениях...

Когда выстрелы притихли, раздался голос внука, который спал в соседней комнате: дедушка! Этот детский голос во тьме под выстрелами остался как самое трагическое воспоминание этой ночи. Мальчик после первого выстрела бросился под кровать. Один из нападавших выстрелил в кровать: пуля пробила матрац, ранила внука... С криком «дедушка!» он выскочил во двор, оставляя кровавый след и под выстрелами перебежал в помещение одного из членов охраны.

Моя жена бросилась на крик внука в его комнату, которая оказалась уже пуста. В комнате горели пол, дверь и небольшой шкаф.

– Они захватили Севу, – сказал я жене.

Это была наиболее жуткая минута. Выстрелы еще продолжались, но уже дальше от нашей спальни, где-то во дворе или непосредственно за оградой... Исчез ночной дежурный – Роберт Шелдон. Почему молчали полицейские внешней охраны? Они оказались связаны нападавшими...

Всадив через двери и окна несколько десятков пуль в направлении кровати и не слыша ни криков, ни стонов, нападавшие имели все основания думать, что они с успехом выполнили свою работу... Каким образом мы уцелели? Очевидно, благодаря счастливому случаю. Кровати были взяты под перекрестный огонь. Возможно, что нападавшие боялись перестрелять друг друга и инстинктивно стреляли либо выше, либо ниже, чем нужно было. Но это только догадка. Возможно также, что мы с женой помогли счастливому случаю тем, что не потеряли головы, не метались по комнате, не кричали, не звали на помощь, когда это было безнадежно...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.